

Михаил Ворфоломеев

Бес

Комедия в двух действиях

Действующие лица

Лиза.

Евгения Леонидовна — ее бабушка.
Изюмов Андрей Дмитриевич.
Репенко.

Копейкин.

Клава — его жена.

Бес.

Действие первое

В черном кожаном кресле дремлет Андрей Дмитриевич Изюмов. На нем роскошный халат. В глубине, за целлофановой пленкой, возникает обнаженная Лиза. Слышен не то шум дождя, не то шум душа. Возникает легкая танцевальная мелодия.

Голос Лизы. Ты любишь лето? А я очень, очень люблю.

Изюмов (*сквозь сон*). Не уходи, Лиза!

Голос Лизы. И поле, летнее поле. Ромашки, васильки...

Изюмов. Не уходи...

Свет за целлофаном гаснет. Входит Некто. На нем плащ-палатка. Он шумно трясет плащ.

Некто. Природа сошла с ума! (*Говорит с сильным акцентом.*) Что делается! Что делается с природа! Это уже не Москва, а общественная баня! Так же льет и так же холодно и сыро. А ведь было время, когда дождь освежал! Приносиль благодать. А что вы сидели в потемках? Любите по-сумерничать?

Изюмов. Да, люблю сумерки.

Некто. Мы только одна свечечка! (*Зажигает свечу.*) Извините, но старомоден. Не желай электричество. (*Снимает плащ. Под ним смокинг, белый галстук.*)

Изюмов. Где я вас видел?

Некто. Во сне. (*Начинает говорить без акцента.*) Иногда я являюсь во сне. И чего с нами ни происходит в сновидениях! Руки мерзнут... (*Греет их у пламени све-*

чи.) Я знаю многих людей, которые не любят день. Они ждут ночи, чтобы уснуть. Их жизнь — сон! Вернее, они живут во сне. А вы, Андрей Дмитриевич, сумерки любите?

Изюмов. Я в самом деле люблю сумерки. Каждый раз, когда садится солнце, словно не день уходит, а жизни! И вот так, сядешь в кресло, а перед тобой проходят видения. Иногда являются экземпляры вроде вас, но лучше кто-нибудь, чем никого.

Некто. Бойтесь одиночества?

Изюмов. Боюсь. Потом, привычка поболтать перед сном. А вот как я сегодня уснул, не понятно. Сел в кресло и стал думать о Лизе. У меня хорошенькая соседка. Кажется, все бы отдал за одну только ночь! Старость. Да и что говорить, скоро пятьдесят.

Некто. А Лизе семнадцать.

Изюмов. Да! Чудесный возраст! В ней живет какая-то загадка.

Некто. Вы ей нравитесь, Андрей Дмитриевич!

Изюмов. Возможно, возможно...

Некто. Ну а как Париж?

Изюмов. Знаете, Париж — это целая страна. Одно ужасно — все дорого!

Некто. Какой красивый костюмчик, однако, вы купили Лизе.

Изюмов. Да, очень красивый!

Некто. Так давайте посмотрим, как она примерять станет.

Изюмов. Что?

Некто. И вот еще что интересно... Ну это больше мне интересно. Помните, два года назад Лизина бабушка зашла к вам. Вы ведь соседи?

Изюмов. Конечно... А вы знаете, зачем она пришла? За крысидом!

Некто. Не может быть!

Изюмов. Честное слово!

Входит Евгения Леонидовна. Некто исчезает.

Евгения Леонидовна. Андрей Дмитриевич, вы уж простите старую, да крысы одолели!

Изюмов. Какие крысы?

Евгения Леонидовна. Да я в порогах не разбираюсь. Коммуналка у нас. Может, не признали? Соседка ваша, Евгения Леонидовна.

Изюмов. Да, да! Проходите, садитесь. У вас, кажется, внучка?

Евгения Леонидовна. Внучка! Андрей Дмитриевич, сирота растет. Отец помер, мать другую семью создала, а я колготюсь... Девочка в девятый класс пошла. И одеться надо, да и покушать хочется! А тут еще крысы одолели. Главное дело, бегают и все норовят в глаза тебе заглянуть! Сосед мой, Гоша Копейкин, так тот пробовал их напоить — не пьют. Брезгают. Так я подумала: нет ли у вас крысида?

И з ю м о в. Вы знаете, есть! Я для дачи его покупал.

Евгения Леонидовна. Ой, и до чего же у вас квартирка хороша! Конечно, такому писателю не грех...

И з ю м о в (*достает коробочку*). Вот, пожалуйста. Что?

Евгения Леонидовна. Да, говорю, такому писателю не грех! А Лиза у меня хорошая...

И з ю м о в. Лиза очень симпатичная! Трогательное существо!

Евгения Леонидовна. Вот в самую точку! А кому защитить?! Кому достанется цветочек божий? Проходимцу! А так-то она девушка доверчивая, можно у ж по-простому, а?

И з ю м о в. Пожалуйста.

Евгения Леонидовна. Принимая во внимание, я бы просила, Андрей Дмитриевич, взять Лизу на содержание... Ей уже пятнадцать...

И з ю м о в. Я вас не понял.

Евгения Леонидовна. Ну уж тогда извините... Пойду!

И з ю м о в. Подождите! Я на самом деле не понял!

Евгения Леонидовна. Платили бы Лизе, а она всегда... вот подрастет... А постирать, приготовить я могу! А уж я бы постаралась! И потом, соседи. Далеко ходить не надо. Потом, сама-то Лиза прямо без ума от вас. И если потихоньку, то все довольны будем. Не ругайте меня! В положение войдите! Сорок два рубля! Вот вам и вся пенсия! А девочке одеть нечего. Совсем неприлично. Она мне давеча и говорит: «Бабушка, не могу я на улицу выходить, стыдно!» И заплакала... А как же ей?! Андрей Дмитриевич, ради бога! (*Встает на колени.*) Вы человек состоятельный, Лиза, она отблагодарит!

И з ю м о в. Вы меня взволновали... Видите ли, Лиза девочка приятная... И очень верно, что, когда она вырастет... Я даже...

Евгения Леонидовна, но так надо, чтобы все очень тонко! И пусть подрастет!

Евгения Леонидовна. Не беспокойтесь!

И з ю м о в. Осторожно, не рана самолюбия. Надо, чтобы она сама, понимаете? Что будто бы она сама! Постепенно! Год за годом...

Евгения Леонидовна. Так и я про то.

И з ю м о в (*вытирает пот*). Я вам двести рублей буду давать... в месяц... И ей подарки... Сверх этого...

Евгения Леонидовна. Андрей Дмитриевич... (*Хватает и целует его руку.*) Не ради себя, ради внучки... Ручка какая у вас! Нежная, белая! Вот я еще ее поцелую.

И з ю м о в. Пусть она ко мне в гости ходит. Скажите, что у меня хорошая библиотека.

Евгения Леонидовна. Вот! Заодно и поучится немного! Чем с этими клепаемыми шляться, лучше же с человеком солидным, решительным.

И з ю м о в (*достает из стола деньги*). Вот вам первые двести.

Что-то бормоча, Евгения Леонидовна исчезает.

Некто (*появляясь*). И все-таки подозрительно, что она пришла?

И з ю м о в. Ничуть!

Некто. С того первого визита прошло два года. Пора бы и Лизе наконец рассчитаться с вами.

И з ю м о в. Лиза очаровательна. Я ее люблю... Но она еще несовершеннолетняя!

Некто. И костюмчик хорош! И все-таки взглянем, что происходит в коммунальной квартире, где проживает ваша любовь.

И з ю м о в. Разве это возможно?

Некто. А как же ваш новый роман? Будете вы его писать?

И з ю м о в. Что?!

Высвечиваются Репенко и Клава; она входит с авоськами, нагруженными продуктами.

Клава. Фу ты! Чем воняет-то?

Репенко. Опять бабка тараканов травила. Что у нас за страна? Куда ни глянь, кругом тараканы и клопы. И живетя им лучше всех! Клава, слышишь?..

Клава. Чего?

Репенко. Лизка опять с пакетом от Изюмова выскочила.

Клава. А он разве вернулся? Бабка-то рассказывала — в Париже.
Репенко. Вернулся. Ну погляди, чего они там делают.

*Клава ставит авоськи, на цыпочках под-
ходит к двери и, встав на колени, смотрит в замочную скважину. Высвечиваются Евгения Леонидовна и Лиза. На Лизе нарядный костюм.*

Лиза. Ну как, бабушка?
Евгения Леонидовна. Ой, балует, балует тебя Андрей Дмитриевич. В прошлом месяце колечко с алмазом, нынче вон какой наряд! И все из уважения. Ой, уважает, уважает он тебя!

Входит Некто. В руках у него чемоданчик. На голове кепка.

Некто. Вызывали?
Евгения Леонидовна. Как это ты вошел? Дверь, что ли, не заперта?

Некто. Конечно. Стоит нараспашку.
Евгения Леонидовна. Вот память. А, кажись, ведь цепочку накинула.

Некто. Вызывали?
Лиза. Да. На кухне раковина течет.
Некто. Как обычно. Сейчас поправим, Лизавета!

Лиза. Поправьте... *(Смотрит на Некто, он выходит.)* Бабушка, я... мне... Скажи, а много мне папа оставил денег?

Евгения Леонидовна. А что?
Лиза. Понимаешь, мне маму жалко. Ведь у нее двое! И они мои братья! А ее муж пьет...

Евгения Леонидовна. Твой-то отец покойный капли в рот не брал... Вышла замуж — все! Ломоть отрезанный! Никто она нам! И слышать о ней не желаю!

Лиза. Бабушка, ты подумай, я школу закончила! Я работать пойду, и мне больше не нужно денег. А там маленькие!

Евгения Леонидовна. И не проси! И не подходи даже!

Некто *(возвращается)*. Все готово. Все, как говорится, в лучшем виде.

Лиза. Спасибо.
Некто. Мне «спасибо» не надо. Мне бы рубль.

Евгения Леонидовна. Иди-иди! Рубль ему. Что мы, миллионщики!

Некто. Не миллионщики, знаю. А только деньги все равно есть. Не жалею денег, бабуля. Если просят, отдай!

Евгения Леонидовна. Починил? И иди, иди отсюда!

Некто. Дай рубль!
Лиза. Я сейчас принесу.

Некто. От тебя не возьму! Категорически. Пусть бабуля даст.

Евгения Леонидовна. Милицию вызвать? У меня за стенкой милиционер!
Некто. Это Репенко, что ли? Он не в счет. Его оставили. Ладно, пойду... Только в следующий раз не проси, бабуля. Не приду! *(Уходит.)*

Евгения Леонидовна. И кого только не берут в слесаря!

Лиза. Какие у него глаза странные. Слово без зрачков... Бабушка, а ведь у него в самом деле зрачков нет...

Евгения Леонидовна. Пропил зрачки-то!

Лиза. Бабушка, не могу я носить эти наряды, когда мама так сильно нуждается! Я какой-то барыней выгляжу! А мама в кооператив пошла пакеты целлофановые клеить... А ей нельзя! У нее сердце! А там душно... Бабушка!

Евгения Леонидовна. Погоди ты про маму-то думать. Тебе самой еще лечиться надо. Эпилепсия, она ведь не проходит ни с чего!

Лиза. У меня уже давным-давно приступа не было!

Евгения Леонидовна. Ты только гляди Изюмову не скажи про свою болезнь. После скажем, когда до дела дойдем. И мяску с рынка, и фруктов, а когда и икорки — ведь хочется...

Лиза. Бабуль, а ты себе представь, что я иду сейчас по Парижу. Я иду по Парижу под руку с Изюмовым...

Евгения Леонидовна. И как они туда едут? Скажи, пожалуйста.

Лиза. Как они едут, это понятно, но как они вообще оттуда возвращаются!

Евгения Леонидовна. Ты что это?!
Лиза. А что?

Евгения Леонидовна. Ты хлебушек-то наш кушаешь!

Лиза. Говорят, что и хлебушек давно тот! Да и не весь наш. Сама же говоришь: что за хлеб стал? Вот раньше! А еще раньше, до тебя, хлеб куда был лучше. Следуя твоей же логике!

Евгения Леонидовна. Мы коммунами жили! Мы для вас старались!

Лиза. Вы о нас не думали! А если бы думали, не жили бы коммуной.

Евгения Леонидовна. Кто тебя этому научил?

Лиза. Жизнь, бабуля! Живу, сравниваю! Евгения Леонидовна. И что же ты насравниала?

Лиза. Бабушка, как ты детей учила? Ведь ты же учитель! Где же такое слово взяла... «насравниала»?

Евгения Леонидовна. Где взяла... Напридумалось. А учила так, что... Да и попробовал бы мой ученик вот так рассуждать!

Лиза. Интересно! А как я рассуждаю? Что я, не имею права говорить то, что думаю?

Евгения Леонидовна. Так ты лучше только думай, а не говори!

Лиза. Хорошо. Подумав, я и спрашиваю: а кто меня обул? Одел? Заграница проклятая! Музыку я чью слушаю? Ихнюю! Потому что свою лабуду... Нет, есть немного хорошего и у нас! Главного нету! Бабуля, главного — просто и спокойно сказать правду. Мы уже задыхаемся от лжи!

Евгения Леонидовна. Ты что, хочешь, чтоб тебя посадили?!

Лиза. За что?

Евгения Леонидовна. За это! Все, все! Молчи! Не за такие слова сажали! Дедушку твоего... Ладно! Ишь разошлась! Лиза. Вот дурь-то, а! Бабуль! Ну как так можно?! Все об этом говорим, только на кухне. Но ведь все же об этом говорим! И все знают, что за границу не пускают потому, что боятся сравнения. Как будто мы не научились сравнивать и не бывая там.

Евгения Леонидовна. Ой, распустились... Что бы ты там делала?

Лиза. Ничего. Я бы после института поехала туда, поучилась у них. Хочу увидеть Рим, Неаполь, Лондон!

Евгения Леонидовна. А по «Золотому кольцу»...

Лиза. Ездила. Впечатляет, центр! А жизнь! Жизнь тех, кто в «Золотом кольце» живет, совсем не золотая. И даже не серебряная! Почему к нам приезжают иностранцы свободно? Свободно обо всем толкуют. Они осваивают пространство, осваивают и жизнь, и философию. Я же не против дисциплины, но я против казенщины, я против...

Евгения Леонидовна. Я виновата... Я! Развратила тебя! Джинсы, туфельки,

плащи да дубленки! А вот оно как отрыгнулось!

Лиза. Тебе не нравится, что я хорошо одеваюсь?

Евгения Леонидовна. Мне не нравится, как ты разговариваешь!

Лиза. Что у вас за манера затыкать рот любым образом! Как угодно, только бы заткнуть! Поздно, бабуль! Мы уже видели и слышали!

Евгения Леонидовна. Люди на БАМ едут!

Лиза. А если я считаю, что мне БАМ не нужен, тогда что?

Евгения Леонидовна. Как это? Всем нужен, а тебе нет! А герои?! Стахановцы?

Лиза. Бабуля, для меня это просто звук. Звук!

Евгения Леонидовна. Больше ни копейки не получишь...

Лиза. За что?

Евгения Леонидовна. За то! Это ты мою жизнь перечеркнула...

Лиза. А ты не подумала, что ты перечеркнула мою жизнь?! И я-то тебе прощаю, а ты мне — нет? И за что?! За то, что я не хочу жить вашей моралью!

Евгения Леонидовна. Чьей же ты хочешь, буржуазка проклятая!

Лиза. Бабуль, успокойся.

Евгения Леонидовна. Чьей ты хочешь моралью жить? Говори, чьей? Говори!

Лиза. Я не собираюсь жить... Бабуль, ну ты что?

Евгения Леонидовна. Я тебе покажу... Выростила на груди своей, буржуазку вырастила!

Лиза. Я вовсе не за капитализм ратую... Ты меня не поняла. Просто я хотела, чтобы у нас была свобода слова, мнений... Если хочешь, чтобы все вопросы мы обсуждали всенародно! А иначе это же давиловка какая-то? Вот и ты давишь! Евгения Леонидовна. Да я тебя! Да таких травить надо! Все, ни копейки! Все!

Лиза. Бабуля, но ведь это же мои деньги. Папа мне завещал.

Евгения Леонидовна. Дура! Сколько твой папа накопил? Три с полтиной! Это изюмовские деньги.

Лиза. Я не поняла.

Евгения Леонидовна. О чем ты с ним разговариваешь?!

Лиза. Ты можешь мне толком объяснить, что случилось?

Евгения Леонидовна. Отстань!

Лиза. Нет, я не отстану!

Евгения Леонидовна. Мне самой разобраться надо. Ой, сердце... Принеси-ка нитроглицерину! Ой! *(Плюхается на стул.)*

Лиза убегает за лекарством.

Ох и дура старая... Так если он... если шпион, то я вроде как соучастница?

Лиза *(входя)*. Держи. *(Подает ей лекарство.)* Бабуль, я не отстану.

Евгения Леонидовна. Ну, любит он тебя. По двести рублей каждый месяц... Два года дает... Подарки разные!

Лиза. Зачем?

Евгения Леонидовна. Люблю, говорит... Ну я подумала: а куда тебе деваться? Отца нет. У матери другая семья. Я помру... А как оно все вышло? Ты развратилась! Продалась!

Лиза. Да ты погоди! Какая цель у него?

Евгения Леонидовна. У кого?

Лиза. У Изюмова.

Евгения Леонидовна. Какая цель у мужика? Про границу все знаешь, а тут где надо — ничего?

Лиза. Так ты меня продала, что ли?

Евгения Леонидовна. Не захочешь, так отдашь ему деньги.

Лиза. Где я их возьму?

Евгения Леонидовна. Заработаешь! Меньше по театрам бегать будешь! Вон иди как другие — дворником или уборщицей, а не в институт поступаи!

Лиза. Я пойду... Фу, как мерзко...

Евгения Леонидовна. Ты помолчи! Изюмов, а вдруг он шпион! Завербовать хотел?!

Лиза. А может, от чистого сердца?

Евгения Леонидовна. Как же! Мне в прошлом месяце золотые сережки... Как же! Может, в милицию заявить. Так заставят, наверное, деньги вернуть... С кем же посоветоваться-то?

Лиза. Как странно... Но почему же он никогда даже не намекнул? Может, это не так?

Евгения Леонидовна. Если разобратся, то ведь как мы без Изюмова выжили бы? Мне уже за семьдесят, а тоже хочется... Магазиновую котлетку не съешь. Это уж чтобы не мучиться, а помереть скорее, так съешь... Да и на ливерке дол-

го не протянешь. Хочется ведь... А он говорит, если Лиза моей будет, озолочу! Лиза?!

Лиза. А ведь я еще и маме помогаю... И маме опять же Изюмов платит.

Евгения Леонидовна. Нет! Тут шпионаж! Ой, сердце! Пойду полежу...

Затемнение. Высвечиваются Изюмов и Некто.

Изюмов. Что происходит? Сплю я, что ли?

Некто. А уж это как вам удобно. Вообще-то это не имеет никакого значения. *(Садится напротив Изюмова.)* Не стану вам морочить голову. Выложу сразу, как есть. Сегодня утром, разглядывая себя в зеркале, вы испугались, что стали стареть. И я вас понимаю. Лицо потечет, станет цвета плавленого сырка. А ведь ничего еще не было! Даже любви не было. Была одна изнурительная работа... А любовь? Ведь хочется, страстно хочется любви. И Лиза — это вариант идеальный! Ваш роман только начинается! Он еще на том месте, когда неизвестность дышит! Так вот, сегодня утром, разглядывая себя, вы почувствовали... Ты почувствовал себя плохо! Ты умираешь, Изюмов.

Изюмов. Что за бред?!

Некто. Нет, это не бред, это смерть... Обширный инфаркт. Чего же не выдержало твое сердце? Ты всегда жалел и оберегал его. Ты мало волновался. Ты жил себе и жил. Писал для удовольствия да еще за это деньги получал. Ты не участвовал ни в каких выступлениях, не состоял ни в каких группировках. Ты со всеми был приветлив! Всем, всем улыбался! Правда ведь? Тебя называли интеллигентным человеком! И ты тоже так думал, правда?

Изюмов. Да, я интеллигентный человек!

Некто. Ты человек хитрый! Ах, какой ты хитрый человек! И все из-за желания жить спокойно.

Изюмов. Я просто не вмешиваюсь в политику!

Некто. В твоей стране политики нет. В твоей стране — террор!

Изюмов. Это провокация! Я не согласен! В нашей стране порядок! И только наше правительство способно удержать чернь от безумия! От насилия!

Некто. Мы вдвоем, а ты лжешь... Кому

ты лжешь? Мне?! Ты не понял, кто я?!
И з ю м о в. Кто ты?..
Некто. Я Бес. Я связующее звено между жизнью твоей и ничем... Там, дальше ничего нет... Хочешь заглянуть туда, куда ты скоро пойдешь?
И з ю м о в. Нет!

Сцена чуть светлеет. Мы видим, что это чердак. Там и сям расставлена старинная мебель. Кажется, во всем этом нет никакого порядка. Но на самом деле из деталей, что стоят на сцене, будут строгие следующие картины.

Интересно. От этой таинственности у меня холодок в животе.

Бес. А какой роскошный на тебе халат! Шелковый.

И з ю м о в. Люблю шелк. Он холодит и ласкает тело. *(Пауза.)* Какой нехороший сон! Больше на бред похожий! Слушайте, а как же теперь. А?! Это правда, что Лиза эпилептик?! Впрочем, она все равно хороша... Ну, старуха... Я же просил, осторожно, не рана самолюбия! Скотина... Бес. Сволочь!

И з ю м о в. Дрянь! Представляете, она в милицию заявит?! Это кошмар какой-то. Что я подкупал семнадцатилетнюю...

Бес. Скажите, исключительно из рыцарских побуждений! А потом, если нужно, приведите им в пример Набокова. Но не исключено, что Лиза, поужинав и тщательно взвесив, придет отдаться! Ведь если не все, то многое в наших руках.

И з ю м о в. Неужели вы в самом деле?.. Слушайте, вы! Я же не сплю! Что со мной?.. Мне плохо! Где телефон? Вот телефон...

Бес отходит в сторону.

(Набирает номер, оглядывается.) Никого... Никого...

Гудки. Бес берет трубку.

Бес. Алло! Я слушаю. *(Голос его совершенно изменился.)*

И з ю м о в. Арон?

Бес. Да, я слушаю.

И з ю м о в. Арончик, это Изюмов! Я к тебе по делу! Слушай, со мной что-то происходит.

Бес. Что с тобой?

И з ю м о в. Который час?

Бес. Андрюша, уже два часа ночи! Ты запил?

И з ю м о в. Нет! Но ко мне приходил Бес!

Бес. Ну и что?

И з ю м о в. Арончик, я к тебе как к специалисту. Ты же невропатолог... Что это может быть? Отчего?!

Бес. Ты точно не пил?

И з ю м о в. Клянусь!

Бес. Тогда от полового воздержания. Ты воздерживался?

И з ю м о в. Ну не так чтобы... Но, в общем, конечно!

Бес. Влечение есть? Объект существует?

И з ю м о в. Да! За стенкой объект. Представляешь, Арончик, за стенкой сейчас лежит! Может, даже голенькая лежит!

Бес. Все нормально, Андрюша. Бери отбойный молоток и долби дырку в стене!

Беса не бойся!

И з ю м о в. Точно?

Бес. Абсолютно!

И з ю м о в. Ты знаешь он даже некоторым образом хамоват! Да, но тут у меня еще...

Бес. Все, Андрюша, все. Остальное, если хочешь, завтра. Я сплю!

Гудки зуммера. Изюмов кладет трубку.

(Подходя.) Чем же я вам не угодил, Андрей Дмитриевич? Разве что на французском не разговаривал! Так исключительно потому, что вы его не знаете! Нехорошо, Андрей Дмитриевич!

И з ю м о в. Да что вы в самом деле! Что вы являетесь, пугаете! Это же невозможно! Надо лечиться...

Бес. Значит, гоните? Без меня справитесь? А то смотрите! Впереди много еще неизвестного!

И з ю м о в. Это я... Это все от нервов.

Бес. Я понимаю.

И з ю м о в. А жить хочется. И что странно, хочется жить хорошо.

Бес. Действительно странно.

И з ю м о в. Мне пятьдесят скоро. И любви в самом деле не было...

Бес. А хотелось?

И з ю м о в. Как сказать?.. Больше хотелось просто жить! Слушайте, а вы в самом деле Бес? Или это шутка?

Бес. А что вы вкладываете в понятие «Бес»?

И з ю м о в. Некое таинственное существо, созданное для того, чтобы заставлять человека делать ошибки.

Бес. Это уж прямо-таки приговор! А кем же это существо создано?

Изюмов. Более высшим существом, наверное...

Бес. Богом, что ли? Неужели в вашем понятии Бог такой каверзный? Мало того что он сам наказывает, так он еще и Беса выдумал, чтобы тот бедного человека обманом вывел на нечистый путь.

Изюмов. Слаб я в теологии.

Бес. Тогда рассуждайте проще.

Изюмов. Может, вы следствие моего расстроенного здоровья? Может, я психически болен?

Бес. Мы только что говорили о Лизе. Давайте вернемся к любви!

Изюмов. Любить и быть здоровым — это не одно и то же. В мои годы лучше быть здоровым. Как сказано, бытие определяет сознание.

Бес. С официальной точки зрения — может быть, но с точки зрения философа — чушь. Так что же лучше?

Изюмов. Чушь, если не лучше, то понятнее и ближе.

Бес. А в душе?

Изюмов. Вам лучше знать, что в моей душе. Но мы так и не дошли до истины в первом вопросе. Кто вы? Если я, согласно бытующему у нас учению, есть продукт эволюции...

Бес. Вы продукт революции.

Изюмов. Об этом со мной даже не пытайтесь говорить. Так вот, в глубокой древности предками моими были обезьяны, а кто ваши предки?

Бес. Я, видите ли, дорогой Андрей Дмитриевич, — сирота. Я появился сразу. Я — это частица материи, которая необходима, чтобы человек гармонично развивался и совершенствовался. Лиза — это же моя идея.

Изюмов. Идея идеей, а как? Практически! Понятное дело, что я попытаюсь, но... я реалист.

Бес. Ну, раз вы реалист, то и пытаться не надо!

Изюмов. Но ведь хочется. Седина в висок, а вы в ребро!

Бес. Что это вы? Шутите?

Изюмов. Шучу.

Бес. Предупреждайте.

Изюмов. Какой-то нескладный сон, не нравится он мне. Все очень долго, замедленно. Если вы хотите, хлопните в ладоши — и Лиза у меня. Хлоп — и мое!

Бес. Так и убить можно. Хлоп — и нету!

Изюмов. Мне кажется, что я влюблен.

Само предчувствие любви, ее прелюдия — прекрасно! И после, когда оркестр чувств сыграет все, музыканты складывают инструменты, и я, раскланявшись, как это делают дирижеры, ухожу. Я ухожу, а в женщине звучит музыка! И автор ее — я! (Пауза.) Неужели я умираю? Бес. Да.

Изюмов. Странно... Жил-жил, влюбился в больную девочку и умер. Сюжет! Ах, Бес, в этом государстве просто выжить и то трудно! Когда я думаю о литературе, то мне видится огромный вырубленный сад... Одни пни! И только там и сям расставлены гипсовые бюсты «известных советских»... Вот и я — гипсовый бюст... Но почему же она эпилептик?! Что это?! Какой-то тайный знак мне?! И потом, я не чувствую никакой боли в сердце, может быть, я здоров?

Входит Копейкин. Одет по-домашнему. Несет матрац и одеяло.

Копейкин. Здорово, мужики. Можно я тут поживу? Баба заела. Вроде и квартиру поделили. У меня своя комнатка, у нее своя. Так нет, давай водить Репенку! Тоже нашла кого... Я, говорит, с ним раньше, чем с тобой. Репенка, говорит, моя первая любовь! Я говорю: ты хоть это дело-то любовью не называй! Не грехи, говорю! Неужто правда до меня у ней Репенко был? Это же не человек. Это же станок стругальный! Вот обида так обида! Нет, Клавка дура. Такого, как я, еще поискать надо. Понимаю, найти можно внешне, а черт? Я правильно излагаю?

Бес. Не путай, Гоша, Беса с чертом. У нас разные профессии. Значит, подслушивал?

Копейкин. Подслушал.

Изюмов. Кто это?

Бес. Копейкин, Гоша. Сосед ваш, Андрей Дмитриевич. Только живет за другой стенкой.

Копейкин. Слушай, а дай мне сто рублей. С меня хватит.

Бес. С тебя хватит, даже если я ничего не дам. Выбери лучше себе кресло да садись с нами. Беседа, друг мой Гоша, — награда для умного человека.

Копейкин (подсаживаясь). Какой же я умный? Умные хорошо живут. А я знаешь как? Вот стоит очередь, большая такая, километров сто! Ну, я подхожу, спрашиваю: что дают? Никто ничего не знает. Уже, говорят, кончилось что да-

вали. А чего вы, говорю, стоите? Все стоят, и мы стоим. Ну и я становлюсь. И жду. Чего жду? Тут другие подходят за мной... Так вот и стоим. Достанется — хорошо, нет — значит, нет.

Изюмов. Что достанется-то?

Копейкин. Не знаю.

Изюмов. Ну это же полная глупость.

Копейкин. Конечно! Кто отрицает?

Изюмов. Тогда зачем же стоять?

Копейкин. Ну хоть цель есть. А так, без цели... Без цели никак нельзя. Без соли и то можно. Вот хоть взять моего дружка Ваську Трифонова. Я, говорит, пойду пешком в Иерусалим. Город такой есть. Зачем, спрашиваю. Говорит — тянет. А кто, говорю, пустит тебя? Дойдешь до границы — и обратно. А сам он больной! Желудок, то, се! Нет, говорит, и до границы не дойду... Вот ведь — все понимает, а собирается. Народ, он это, он все понимает.

Изюмов. А ты разве не народ?

Копейкин. Куда мне. Народ — это которые у мартена, у станка, а я где придется, куда пошлют. А у нас чаще посылают, а уж там как придется.

Изюмов. Ну а как приходится?

Копейкин. Смотря куда пошлют. Только ведь в хорошие места не посылают, а норовят подальше и поглубже. А это только рыба ищет где глубже, человек, он где лучше. А где у нас хорошо? Где нас нет.

Бес. Уймись, Копейкин, а то ты весь бисер рассыплешь для нас.

Копейкин. Не жалко, бисер-то бракованный. Без дырочек, не вденешь, не поносишь. Настоящего нету. Был, говорят, раньше, но украли. Видно, чужие, свои-то не разбирались.

Изюмов. Послушайте, Бес, а что он вообще такое? Для чего он?

Бес. Дело в том, что он, может быть, скоро умрет, а ему пока деваться некуда. Пусть определяет, куда деть то, что когда-то было Гошей Копейкиным.

Изюмов. Что со мной?.. Что?!

Бес. Ничего. Сон!

Изюмов. С ума сойти... Зачем же так пугать...

Копейкин (*кричит*). Врешь!

Бес. Что?

Копейкин. Не мог я умереть! Мне еще рано!

Бес. Я знаю.

Копейкин. Ну?

Бес. Что, ну? Тормозную жидкость пил?

Копейкин. Не в первый же раз!

Бес. Зато в последний! (*Хлопает в ладоши.*)

Звук множится как эхо. Из темноты выкатывается медицинский стол на колесах. На нем угадываются очертания тела, закрытого простыней.

Уже прикатили в морг? Быстро! Гоша, поди узнай, кого это доставили?

Копейкин (*нерешительно подходит*). Перегаром прет! (*Приоткрывает брезгливо простыню с головы, в ужасе подходит к Бесу.*) Что?

Бес. Что, Гоша?

Копейкин. Там... Это я, там... Под простыню... Синий только! Писатель, иди погляди. Вот как бывает... И вот я, и тот... я... А где же я?! Что же мне, что же нам делать?

Бес. Давайте прощаться!

Копейкин. А этот? (*Показывает на тело.*)

Изюмов. Убери труп! Убери, Бес!

Бес. Иди простись с телом, Гоша.

Копейкин. Куда ты его хочешь?

Бес. Понимаешь, Гоша, тело не мое. Кинутся искать, а его нет. А его место в морге.

Копейкин. Слышь, а никак нельзя, чтоб я жил?

Бес. Не знаю...

Копейкин. Слышь, так нельзя! Я еще не все успел.

Изюмов. Не все успел выпить?

Копейкин. А вот так нельзя. Я к тебе на стадион ходил. В шестидесятых ходили мы, слушали вас. Вы там про народ стихами... А у меня вот две руки, и ничего больше. Да и то с похмелья подрагивают. Эх, сатана, чего ты так меня определил?

Бес. Какие дела не успел сделать?

Копейкин. Да дел много! Витьке трешку не отдал. Нехорошо.

Бес. Найдет. Сегодня выйдет из пивной и найдет три рубля.

Копейкин. Да? Ловко. Слушай, чего же я еще не успел? Ну конечно! Надо же, забыл! Дочка. А как же дочка моя?! У меня дочь — инвалид. Мы ее по разным домам держим... За ней уход нужен, а мы же на работе! Пришлось сдать. А девочка хорошая! Я бы... я бы сейчас пить

бросил и забрал ее! Честно. Я люблю ее.

Бес. Странно... И чего только не бывает! Изюмов. Прямо готовый сюжет!

Бес. Да какой это сюжет!

Изюмов. Я, кажется, очень болен...

Бес. Вот и дождь заканчивается. Гроза в Москве — явление тяжелое. Не хватает на всех озона.

Копейкин. Денег тоже не всем хватает. Пойду домой.

Бес. Гоша, а пойдем погуляем? Ты мне покажешь свою Москву. Любопытен. Сколько, уж кажется, живу, чего только не перевидал на высшем свете, а все мало! (Смотрит на Изюмова.)

Изюмов. Уйди, я устал...

Бес. Гоша, пойдем, тебе идти надо.

Копейкин. Я бы остался. Ой, как тут интересно, у писателя-то. Никогда не был у писателя в гостях. Все думал, что к писателю не попасть. Все равно что к члену Политбюро. Бес, а ты к ним туда ходишь?

Бес. Конечно.

Копейкин. Ну и как?

Бес. Что — как?

Копейкин. Вообще.

Бес. Живут. И так же боятся смерти.

Копейкин. А у тебя зрачков нету!

Слышь, писатель, у него зрачков нету!

Изюмов. У меня тоже...

Бес. Оставим его, Копейкин. Послушайте, Андрей Дмитриевич, в случае чего я — рядом.

Изюмов. В случае чего?

Бес. Да мало ли какой случай?!

Копейкин. Возьми, к примеру, меня! Утром, как положено, встал на работу. Васька Трифонов обещал достать. Достал. Выпили. Чувствую, вроде не тот угар. И слабость. Коленки в разные стороны норовят. Думаю, надо идти сдаваться! И только, значит, до проходной, как слышу — начали во мне рубильники выключать. Ага! Хлесь с ног! Ну тут, конечно, общественность. Все возмущаются! Мол, как можно после Указа валяться. Вот знаешь, писатель, меня эта общественность сильно задевает! Меня пьяного они видят, а как начальство кругом водку жрет, не видят? Видят! Да что-то не вижу возмущения! Я полкило сыру украл, меня чуть не посадили, а кто вагонами ворует! А кому и дают вагонами! Я, может, когда эту тормозную принимал, догадался, что не та пошла тормозная. Она уже не тор-

мозит, а убивает! А все равно хряпнул... Одно обидно — не жил еще. А может, и верно? Не жил хорошо — и нечего начинать! Верно я говорю?

Бес. Все, что ты говоришь, верно.

Изюмов. Ерунда все это! Нет в моей любви преступления! Я оправдываю себя! У каждого своя метода. Есть даже насильники. Тут что-то не то! Зачем ты явился, Бес? Что значит твое появление?

Бес и Копейкин уходят, поднимаясь вверх по лестнице.

Конечно, это сон! Ах ты боже ты мой... Ах ты... (Идет в глубь сцены, зажигает настольную лампу над своим столом.) Ага! Я у себя дома! Что же это я гуляю сквозь стены?.. Зачем?

Звонок телефона.

(Испуганно.) А? Что такое? А! Мне... Раз у меня, значит, мне... Брать или не брать? А вдруг не сон? Тогда не брать! А если сон? Ну кому надо среди ночи!.. Посреди земного шара, внутри огромного города, в старом доме... Кто меня нашел?! Там, выше,— бесконечность! Мрак! А тут я создал свой мир... И квартира-то у меня крошечная! Уютная... Не хочу! Оставьте меня в покое. Покоя хочу!

Телефон продолжает звонить.

Проклятье, плевать! Вот он, этот роман, что мне с ним делать?! (Хватает трубку.) Да! Кто? Лиза, здравствуйте... Что-нибудь случилось?! Нет, вы серьезно?! Какая вы хорошая, Лизочка... Какая вы. Мне показалось, что я сошел с ума! Мне страшно, Лиза! Это одиночество! Не перебивайте меня, пожалуйста... Так вот, это одиночество и близкая, такая близкая старость! Мне казалось раньше, что старость больше походит на осень. Но это неверно! Старость не имеет времени года. Иногда зимой стоит куст, весь покрытый инеем. Роскошный, нарядный куст! Его тряхнешь — и... стоит жалкий, тоненький... Это старость. Я сегодня видел страшный сон! Приходите. Я вам расскажу. Придете? Я стану ждать! (Кладет трубку.) Что-то уж слишком. Нда... Надо на Воды поехать. И кофе. Не пить кофе. Вообще ничего! Только минеральную воду...

Высвечивается комната Копейкиной.

Репенко. Меня как черт подтолкнул в двери! Иди, мол, смотри и слушай!

Клава. Так что худого? Бедной-то девушке? А куда ей деваться? Ей деваться некуда... У нее одна дорога: или к Изюмову, или как я, на фабрику. А она девушка красивая!

Репенко. Порченная! Замуж-то кто возьмет?

Клава. Может, кто и пожалеет...

Репенко. Ой, что-то есть тут! Ой, чую, чую!

Стук в дверь.

Клава, открывай, а я сплю! *(Прыгает под одеяло.)*

Евгения Леонидовна *(входя)*. Здравствуйте, Клава.

Клава. Здравствуйте, Евгения Леонидовна. Что-нибудь случилось?

Евгения Леонидовна. По делу. Ефим Григорьевич бывает у вас?

Клава. Да, он и сейчас у меня. Спит. Пришел с дежурства и спит.

Евгения Леонидовна. Ну, так я после.

Репенко *(встает)*. Чего после? Тут я. Все, проснулся. Теперь и сон не сон. Вот раньше, как бухнешься. Прямо как в омут. И лежишь камнем часов двенадцать. Вот это был сон! А теперь... Лег, а веки дрожат! Точно! Как у жулика какого! Слыхали, горе-то какое у Клавдии?

Евгения Леонидовна. Какое?

Репенко. Вот! Соседи и те не знают. А ведь совсем недавно соседи знали все. Я, когда участковым работал, бывало, приду к потерпевшему, но сначала к соседям. Те лучше всякого следователя. А после войны в помощи очистки от разных элементов! Я бы памятник соседу поставил. Даже какой вижу! Стоит сосед у двери соседа и слушает! Лицо строгое, правильное лицо!

Евгения Леонидовна. Что у Клавдии Семеновны?

Репенко. У Клавы горе! Муж отравился. Стебанул тормозную жидкость. Ждем сообщения с часу на час! Помереть вот-вот должен.

Евгения Леонидовна. Ой, беда! Безотказный был! Кран ли починить, мебель двинуть... Ах, беда!

Клава. Да ладно! Сам виноватый! Как это можно что не попадя!.. Да и сами знаете, мы уж и не жили вместе. Все ни-

как развестись не могли. Некогда было. То я на работе, то он... Теперь вот хоронить придется. Вот гад, в какие расходы ввел! Не мог утонуть, скотина, чтоб не нашли! Попил бы из Москвы-реки... Какая разница! Что тормозная, что речная... Колготки не надо?

Евгения Леонидовна. Какие?

Клава. Хорошие. Вчера десять только вынесла. Вахтеры прямо в трусы лезут! И не стыдно им? Да был бы хоть молодой, а то ведь срам глядеть! По два рубля. Надо к людям снисхождение иметь. Друг дружку не выручишь — кто выручит? Евгения Леонидовна. Две пары возьму!

Репенко. Правильно. Выручка это факт, это серьезно. Сколь ты на чулочной? Лет десять? За эти годы ни разу носок себе не купил. Экономия, факт! Так чего говорите?

Евгения Леонидовна. Прямо как сказать не знаю... Сосед наш, Изюмов. Дело тут какое... Деньги он нам давал по нашей бедности... Обувает, одевает Лизу. Репенко. Ишь, благородный какой! С жиру. Ну-ну? Перестал давать?

Евгения Леонидовна. Да нет, дает... Ладно, пойду, пожалуй...

Репенко. Ну-ну! Куда пойдешь? Пришла — выкладывай! Чтоб все начистоту! Евгения Леонидовна. Так, это...

Репенко. Что!

Евгения Леонидовна. Лиза такое говорит, такое!

Клава. Да что же такое?

Евгения Леонидовна. Правду!

Репенко. Да?

Евгения Леонидовна. Прямо и норовит такое сказать... Страх!

Клава. Ну? При чем тут деньги?

Евгения Леонидовна. Так ведь заедалась. Я поначалу приняла от Изюмова...

Понимала, что не просто дает, а для себя старается. Лиза девушка красивая. Отзывчивая. По двести рублей давал! И моя ошалела! Мне, говорит, не хочется жить тут, я за границу уеду!

Репенко. Так и сказала?

Евгения Леонидовна. Еще хуже! Критику навела на наш светлый строй!

Репенко. Не может быть! Я не слышал!

Евгения Леонидовна. Таковую критику, что страх слушать! Мало нам, что в газетах пишут, так тут еще моя дура рот открыла да пошла! А все Изюмов!

Я думаю, не за границу ли он собрался?!
Репенко. Я как говорил! Пишешь? Сначала в армию, потом в тюрьму! Вот оно после как надо будет писать! Мало их на нашу голову, дармоедов! Молодежь развращают! Значит, говоришь, денег давал, а что взамен? Что требовал?

Евгения Леонидовна. Скрывал. Придет, глазками поводит... Как там Лиза? Лиза всегда и в гости, и книжку возьмет!

Репенко. Какую книжку?

Евгения Леонидовна. Вот я и думаю, а не ихние ли он давал?! Не от книжек ли этих она свихнулась?!

Репенко. Помочь надо сироте! Вытащим — и на завод. Коллектив поправит! Коллектив — сила! Ладно, будем брать! Молодец, бабуля! Вот на таких земля держится. Последние вы... Уйдете, и все! Ослабнет держава. Вы же на себе, все на себе, и бдительность при этом. Чутье! Я бы таким звание давал! И погоны. Чтоб все видели!

Евгения Леонидовна. Только одно жалко... все-таки двести рубликов. Вы уж там посolidнее. Пусть продолжает давать.
Репенко. Тоже мысль... А если сразу? Если на десять лет вперед? Я вот как занервничаю, у меня словно мышцы в животе забегают.

Клава. Кошку съешь.

Репенко. Бабуля, иди, все нормально будет. Если станет нужно — вызову. И больше никому ни слова. Эх, какого милиционера держава потеряла.

Евгения Леонидовна. Ой, сердце...

Клава. Водички дать?

Евгения Леонидовна. Ой! Дайте, Клава, дайте, хорошая!

Репенко. Не умирай, бабуля. Ты у меня единственный шанс! Ты мне сейчас жизнь подарила! Не умирай. Клава, скорее!

Клава несет воду.

Вот, пей, бабуль. Пей! Живи. Тебе жить надо. Доползи до амбразуры. Закрывать не закроешь, но хоть поглядишь, что там.
Евгения Леонидовна. Нет, мы раньше боялись. Пусть и не так что, да и не наше дело! Начальству всегда видней. Оно вон, глаз не смыкает, об нас думая! Раньше какого-нибудь начальника увидишь — так колени холодеют. А сейчас бывает, что начальник в простой магазин идет.

Репенко. В простой магазин ходит простой начальник!

Евгения Леонидовна. Пойду полежу... Извините... *(Уходит.)*

Клава. Ты что задумал?

Репенко. Клава! Ты у меня под ногами не путайся. Не путайся, говорю! Подвернешься — затопчу!

Клава. Ты не блажи, а давай как есть.

Репенко. Пока не знаю как. Как в центрифуге! Вроде и голова большая, да встать нельзя. На испуг брать буду. Получится — считай каждый год на Черном море мокнуть будешь, пока не обшелушишься! А нам больше Черного и не надо. Дальше горы. А писатель-то он хороший, нет?
Клава. Кто его читал?

Репенко. Не знаем мы своих врагов. А раньше про каждого обстоятельно, где был, что ел... Народ должен знать, что он там пишет! Пусть бы коротенько отчет давал! Хотя бы соседям! Пойду бриться. Рубаху мне и костюм!

Свет гаснет. Высвечиваются Копейкин и Бес.

Копейкин. А что ты взъелся на этого писателя? Живет да живет.

Бес. Он еще не вызрел, жить ли ему дальше. А сейчас я столкну людей, от столкновения произойдет ситуация. Ситуация выльется в конфликт. А конфликт — это магнелиевая вспышка, в которой ясно видно, что куда пойдет. И так далее. Процесс этот в принципе бесконечен.

Копейкин. Ты меня вроде как учишь?

Бес. Ты угадал.

Копейкин. А зачем? Куда я потом с твоими знаниями? Ты мне лучше вот что скажи. Зачем такие, как Репенко?

Бес. Не я их выдумал, друг мой Копейкин, их произвела, наплатила и содержит среда обитания. Вот живешь ты с Репенко, и сам ты немного Репенко.

Звонок.

Ну вот, он готов. А готов ли Изюмов?

Высвечивается Изюмов. Он входит с Репенко и Клавой.

Репенко *(оглядывается)*. Чистенько! Уютненько! Здравствуйте! Будем знакомы. Ефим Григорьевич Репенко. Подруга моя, Клава.

Изюмов. Чем обязан?

Репенко. А вы садитесь. Получен сигнал.

Изюмов. Какой?

Репенко. Начну изначально. Находясь у Клавы Копейкиной, а она соседка ваша... Находясь у Клавы по случаю отсутствия ее мужа. Муж у нее при смерти. Не слышали? Тормозную жидкость дернул! Один уже помер, ждем теперь Гошу.

Изюмов. Извините, нельзя ли покороче?

Репенко. Можно. Влипли вы, Андрей Дмитриевич! Клава, сядь! Не торчи перед взором.

Изюмов. Да вы кто, собственно говоря?

Репенко. Докладываю! Репенко! Был, между прочим, девятнадцать лет назад вашим участковым. Ах, Лиза, Лиза, Лизавета! Я люблю тебя за это! Клава, ты слушай! Главное, Клава, слушай, и все! Вы, собственно, как-то и не доложились? Кем изволите быть?

Изюмов. Вам что надо?

Репенко. Тут дело серьезное! Мы сначала с Клавой так, а потом эдак. Тут ведь какая загвоздка? Бабушка-то Лизина рассказала, как вы внучку ее покупали. Работорговля. Девушка несовершеннолетняя и, как нам известно, больна эпилепсией. Бабка вредная, ничего против не имею, но факт, а? Удостоверившись, вижу — факт! Поначалу я, верный долгу и отечеству, кинулся было, да вспомнил, что от службы отставлен... в самом начале карьеры. Несправедливо, между прочим. Очень несправедливо! Капитан, начальник наш. Козел. Пьешь, говорит! А я действительно пил! Но исключительно на чужие! Чтоб я свой рубль пропил? Клава, скажи!

Клава. Никогда!

Репенко. Люди давали. Хулиганья было много? Много! Сейчас какой хулиган — к родителям. Сразу им, с порога, — мол, накажу! Те в трепет душевный — и за кошельки! А тут дело серьезное! И потом, как она почти вдова, а я сирота, то вообще — попрошу. Тут ведь по совести надо в положение войти! Мне нынче как жить? Я в охране... Сто двадцать! При нынешней жизни это разве деньги? А скоро пенсия...

Изюмов. Я вас не понимаю! Вы что хотите?

Репенко. Вот народец! Вы, которая интеллигенция, ох и опасный народец! Так и норовит в словах запутать. А я тебе

так скажу! Все ты понял! Лизу, соседку несовершеннолетнюю, больную, сироту! Склонял к сожигательству! Бабушка ее — свидетель! Мы с Клавой — свидетели! Сегодня от тебя пришла с пакетом, а после, одевшись в буржуйский костюм, такие речи завела, что мы с Клавой сами не знаем, что делать. Если мы слышали, значит, и за это можно сажать! Вот до чего ты довел слабоумненькую сироту! Зачем тебе это надо? Ты, может, извращенец какой?! Раз уж у нас дело дошло до гласности, то я тебя так оглашу, что тебе потом лет пятнадцать не книги, а ответы писать! И если ты решил, что советскому человеку все можно, я тебе докажу обратное!

Клава. И потом, вовсе мне не понятно, за что вы ей деньги давали?

Изюмов. За красоту... За красоту! Вы же привыкли бесплатно всем пользоваться! Пусть гнилье, да бесплатно... И потом, это мое личное дело!

Репенко. Ты про личное забудь! Твое личное в кармане! Ты девочке как мозги заудрил, что она норовит за границу удрать, а?!

Изюмов. Что вам от меня надо?

Клава. Так вот и я красивая была, а ведь ни одна собака денег не давала...

Изюмов. Надо было требовать! Надо было... Пусть бы тот, ваш первый мужчина, принес и подарил вам колье из жемчуга! Дорогие розы! Пусть бы!

Клава. Репенко, что ли?

Изюмов. Какой Репенко?

Клава. Да, вот он... Он и был первым...

Репенко. Хоть ты и писатель, а дурак! Да разве бабе твоей колье нужны?! А ей в дых дал, а она на пол — брык! И я уже сверху! И никуда не денешься, моя!

Клава. Мы зачем сюда пришли-то?! Вспоминать, как ты меня обрюхатил?! Будем мы с него деньги брать?

Изюмов. Какие деньги?

Репенко. Да уж лучше наши. Доллары себе оставь. Так что давай, писатель, так порешим. Или я тебя и твою краляю закладываю... Ты помни одно: сам-то, может, и выдержишь, а она нет... Существо-то хрупкое, лопнет. Лопнет, тебя возненавидит!

Изюмов. Лиза?! Меня?! За что... Ах, да... Конечно... Как это ужасно! Как глупо и страшно! Ну и сколько же вы хотите с меня взять?

Репенко. Пятьдесят тысяч. Сразу.

Изюмов. А двадцать пять? Рублей... В рассрочку?

Клава. Ты с ним не связывайся... Он паук, он тебя обвяжет...

Репенко. Я его подвешу за одно место! Ты у меня еще повисишь да попукаешь!

Изюмов. Двадцать тысяч... У меня больше нет...

Репенко. А меня не колышет, есть у тебя или нет! *(Направляет на Изюмова настольную лампу.)* Кто же тебя научил бабке деньги давать, а?! Может, ты и с бабкой сожительствоуешь? Отвечай! Молчишь? Значит, и бабку в грех вогнал! Во дает... Может, какие специальные лекарства принимаешь?

Изюмов. Мне плохо... Уйдите... мне плохо...

Репенко *(выключает свет)*. Что я с Лизой сделаю! Пошли, Клава, а ты подумай. Подумай, где тебе достать остальные тридцать! Не достанешь, я Лизу прижму! Она девушка нервная, больная! Она в припадке такое наговорит, чего и не было! И вот что... Ты таблеточек прими. Ты мне, писатель, живой нужен! Мы пойдем с Клавой, мы с Клавой подумаем... Но и ты подумай! Ты человек общественный, заметный. А заметный человек, он как забор! На него все вешают, и все на нем видно. Ведь тут такое дело завести можно! А так как я человек еще не старый и усердный, то сам понимаю! От Верховного и ниже, все адреса знаю! Всем изложу. Чего-чего, а чернила наше отечество выпускает! Так что ты на своей пишущей машинке за мной не угонишься! Мы пойдем с Клавой покушаем, а ты, развратник, подумай! В каком обществе живешь, какой моралью тебя пропитали!

Репенко и Клава уходят. Появляются Бес и Копейкин, во фраке с жабо и в трусах.

Копейкин. А почему я должен ходить без штанов?! Мне это унижительно. А потом, мне карманов не хватает. Да! Мне руки некуда засунуть!

Бес. Засовывать руки в карманы, а также за проймы в жилетке — дурная привычка. Ты же не портной!

Копейкин. Фрак мне идет. Если было бы можно, я бы всегда ходил во фраке. Если мне еще штаны надеть...

Бес. Без штанов погуляешь, еще не зима!

Понял? Без штанов, как на карнаваде! Изюмов. А вы куда?

Бес. Мы? Просто так. Скоро антракт, пойдем по фойе погуляем. Интересно же знать, что про нас говорят.

Копейкин. Я в таком виде людям не покажусь. Ты меня хоть убей!

Бес *(Изюмову)*. Андрей Дмитриевич, что с вами?

Изюмов. А зачем этот жулик понадобился, Репенко?

Бес. Гони его в шею!

Изюмов. Но он жаловаться станет, кляузничать!

Бес. На чужой роток не накинешь платок.

Изюмов. Он меня теперь так ославит... Ужас какой! И Лизу...

Копейкин. Надо было не так! Надо было сначала Репенку ухлопать, а после дернуть тормозной. Ну, Клавка-то дура! Я хоть не бил ее, а этот будет! Мы с ней последние два года вроде как в разводе были. Она в своей комнате, я в своей. Смотрю, этот сторож стал к ней наезжать. Мурло... Сядет, гад, на кухне и яичницу жрет. А Клавка перед ним на цырлах бегаёт! Я нарочно еще выйду, открою банку частичка мелкого... и без хлеба... Вилочкой поковыриваю. Он уйдет, а Клавка тихонечко мне сунет колбасы или там помидорку. Жалела. А дочка у нас в интернате. Сдали. Она с Лизой дружила. Лиза хорошая, она душевная... Я бы перед дочкой еще повинился!

Бес. Женщина, брат Копейкин, существо удивительное! Она куда как возвышеннее и чище мужчины. Но это которая не разочарованная женщина! Нельзя разочаровывать женщину! Если уж ее с детства стали не бабой, а женщиной величать, так и все полагающее к этому дайте ей! Правда, у вас с некоторых пор взвалили всю грязную да скучную работу на женщину — и давай ей петь про героизм ее да мужество! А зачем женщине иметь мужские качества? Вовсе лишняя материя.

Копейкин. Зато государству сплошь выгода!

Бес. Вот сразу видно, что человек ты глупый! Какая же выгода государству, если эта омужиченная женщина с порванными от натуги кишками и прочими другими дефектами материт дома мужа, тот — ее, а их вместе — собственные дети?

Что получается? Огрубление нравов, оглушение умов? Потому как от женщины исходит гармония!

И з ю м о в. Что мы ищем в женщине? Спервоначально инстинкт, так? После инстинкт одевается поэтическим покрывалом. Потом все это превращается в привычку. А где же гармония? В чем она? Б е с. Тебя кто рожал? Мартеновская печь? Тебя родила женщина! Другая женщина стала тебе женой.

К о п е й к и н. Защищаешь баб? Сам их выдумал, сам и защищаешь? Бывают, конечно, и хорошие, но все хорошие — чужие. А свои? Я бы сейчас иностранную взял. У них там что баба, что машина, хоть и дорогие, но сильные и чистые. Главное дело, обеспеченные. Вот я лично так скажу. Ломал-ломал я спину целую жизнь — и что? Вот он, конец. А ты в мой шифоньер загляни, там пиджак и две рубахи. А почему? Скажете — пил? Нет. Все пьют. Только такие, как я, что подешевле, а другие что подороже. Обеднение оттого, что не крал. Красть я так и не научился. Если бы я воровал, то и жил бы дольше. Все воруют. Один я... Вот придунок, а? Пустую бутылку и ту не возьму. Чужая!

Б е с. Вся твоя беда, что врешь много.

К о п е й к и н. Я вру?! Вру...

Б е с. А ведь ты со стихов начинал.

К о п е й к и н. Ты что, следовательно, прокурор?! Ты кто в самом деле? А если я тебе по рогам врежу?

Б е с. Любопытный пролетарий. Чуть что — сразу по рогам. Бунтуешь, Гоша? К о п е й к и н. Ты прав не имеешь. Кто тебе такие права дал, что сюда меня притащил?! Где твои документы?

Б е с. Надень штаны, Гоша.

К о п е й к и н. Ладно. Там сами оденут. Это чей фрак?

Б е с. Одного дворянина. Уехал жить за границу, так и не вернулся. Не любил жить без комфорта. Нету, говорит, в нашем отечестве комфортной среды, и тротуаров, говорит, у вас не моют с мылом. Я ему: не моют, говорю, да и народ, говорю, ежели приглядеться, тоже грязненький! А он: верно, говорит, грязненький! И уехал!

К о п е й к и н. И теперь уезжают... Нет, великоват фрак, а сукно прямо как новое! Может, мне генералом одеться?

Б е с. Ну какой из тебя генерал?

К о п е й к и н. Вон у тебя сколько генеральских мундиров... Жалко, что ли?

Б е с. Неудобная для обычного ношения форма, и потом, требует аккуратности и воздержанности.

К о п е й к и н. А сколько у тебя кожанок! Прямо как в комиссионке! А наган чей?

И з ю м о в. Да, действительно, наган! *(Берет в руки.)* Ну и дела! *(Стреляет неожиданно в Беса.)*

Б е с. Реалист ты, Изюмов. Грустно как... Реалист!

И з ю м о в. Да? *(Смеется.)* Я — соцреалист!

К о п е й к и н. Патроны, наверное, холостые. Вот бесовская порода — что делает!

Б е с. Я ничего не делаю. Я только наблюдаю.

К о п е й к и н. Глянь, моль! *(Ловит ее.)* Железная она, что ли?

Б е с. Золотая! У меня на чердаке живет.

И з ю м о в. Черт знает что... Мистика какая-то... *(Присматривается.)* Ведь она в самом деле золотая.

К о п е й к и н. Точно, золотая. *(Берет коробок спичек со стола, прячет моль в коробок.)*

Б е с. Ты это зачем?

К о п е й к и н. Пригодится. А как узнать, самка или самец?

Б е с. Разводить задумал?

К о п е й к и н. А что? Крокодилов-то разводят, а тут моль золотая! Ее можно сразу на брошку.

Б е с. Кормить ее надо! Золотом! Андрей Дмитриевич, оденьтесь. К вам скоро Лиза придет.

И з ю м о в. Вы серьезно?

Б е с. Да. Мы с Копейкиным пойдем о жизни поговорим, а вы тут, подумайте, приготовьтесь. Андрей Дмитриевич, весна прошла, лето уходит... Да и время нынче путаное. Я про погоду. Не поймешь, где начинается зима и когда кончается лето. Да и в воздухе азотом отдаёт. Серы много. У нас, в преисподнюю, экологически чистое производство. Закрытый цикл! Ну, целуйте ручки Лизе. Прелестная девушка!

К о п е й к и н. Бес, как бы мне Репенко прихлопнуть?

Б е с. За что?

К о п е й к и н. Он у меня все отобрал... И жену, и дочку... И дочка, выходит, не моя! А зачем я тогда жил?!

Б е с. Что же ты при жизни Репенко боял-

ся?! Почему живой ты в дом его пускал?!
Почему не убил тогда?!
Изюмов. А я? Мне что делать?!
Бес. Делай что хочешь... Живи!
Изюмов. Не хочу... Больше не хочу...
Бес. Сдался?
Изюмов. Устал... *(Садится в кресло.)*
Копейкин. А без штанов свежеевато...
Бес. Иди-иди. Всю жизнь без штанов
проходил, а не привык...

Действие второе

Изюмов расставляет на столике цветы. На нем элегантная стеганая домашняя куртка. Он заметно нервничает. Звонок. Изюмов достает платочек, промокает губы и идет открывать дверь. Возвращается с Лизой.

Изюмов. Милости прошу!
Лиза. Спасибо... Я вам не помешала?
Изюмов. Я вас ждал.
Лиза. Андрей Дмитриевич, я сказать вам хочу!
Изюмов. Подождите. Еще день назад я мог бы сказать, что влюблен! А сейчас уже ничего нет, один серый пепел. Кто вы, Лиза? Я так любил вас!
Лиза. Это не так! Это я вас любила! Но сейчас я много, я очень много думала... Я вас любила несколько иначе, чем положено. Я просто знала, что вы тот, которого следует называть своим кумиром... которого и следует любить! Вы знаете, во мне уже много неправды. Я это очень поняла! Когда я узнала о деньгах, что вы давали моей бабушке, то первое желание было такое: схватить эти деньги и кинуть их вам в лицо! Но этих денег-то нет...
Изюмов. Лиза, садитесь, милая... садитесь! Вот сюда, где цветы... Я слушаю вас...
Лиза. А денег нет... И я подумала, что, наверное... Нет! Я подумала, что без ваших денег давно бы все помертвело... Да! Я бы искала возможность их заработать! А кто виноват! Родители, которые не могли меня обеспечить? Но и они не виноваты... Вы знаете, Андрей Дмитриевич, я уже не могу без денег! Но я пришла не осуждать, я пришла поблагодарить вас. Я вам очень благодарна. Я много думала о вашем поступке и поняла, что вы человек благородный. Теперь таких нет. И, наверное, я смогу полюбить вас иначе. Я плохо вас знаю, но, узнав, конечно же, полюблю!

Изюмов. Нет!
Лиза. Что?
Изюмов. А зачем тогда Репенко? Что вы от меня хотите?
Лиза. Какой Репенко?
Изюмов. Ну этот, который... Ну, это не важно! Вы сейчас пришли посмеяться надо мной? Так? Вас ведь Бес послал!
Лиза. Я ничего не понимаю! Вы так шутите? Извините, я пойду!
Изюмов. Ну уж нет! Вы пришли со мной рассчитаться?
Лиза. Только не надо так на меня смотреть. Я не ваша вещь!
Изюмов. Лиза, я так любил...
Лиза. Погодите! Вы хотите, чтобы я была вашей любовницей?
Изюмов. Но если нельзя стать возлюбленной...

Лиза начинает раздеваться.

(Отворачивается.) Я все представлял иначе.

Лиза. Как?
Изюмов. Не знаю. Но иначе. Я думал, вы меня полюбите...
Лиза. Что же мне делать!
Изюмов. Лиза... *(Обнимает ее.)* Боже мой, я тебя впервые обнимаю...
Лиза. Вы мне всегда, всегда нравились, Андрей Дмитриевич!
Изюмов. Ты правду говоришь?
Лиза. Честное слово! Всегда, всегда! И сколько раз я мечтала, что вот вы возьмете меня за руку... Вы добрый, хороший! И ваш поступок с деньгами, он прекрасный.

Изюмов. Это правда? Это сон, Лиза? Ты не представляешь как я бываю добр! У меня голова кружится...

Лиза. Поцелуй меня!
Изюмов. Лиза, ты подумай, очень подумай! Ты подумала? Да?
Лиза. Да!

Изюмов. Я ничего тебе не обещаю! Но, Лиза, я всегда твой!

Лиза. И я твоя...
Изюмов. Что же с нами будет дальше?

Лиза. Ты не думай об этом! Сейчас об этом не надо думать!

Изюмов. Как ты еще легкомысленна... Ты не знаешь, как страшно нам будет после!

Лиза. Но почему? Почему? Если я люблю тебя и ты меня любишь?

И з ю м о в. Я привязал тебя к себе деньгами! Не будь их...

Л и з а. Это правда. Не будь их, не было бы меня той, какая я сейчас. Как страшно! С одной стороны, деньги уберегли меня от унижения, но тут же потребовали расчета! И это так же унижительно! Ты знаешь, как мне было стыдно позвонить в твою дверь?! Но раз уж я позвонила, перешагнула порог, то делай со мной что хочешь!

И з ю м о в. Ну а после? Что дальше?

Л и з а. А дальше жизнь...

И з ю м о в. И все? А Репенко заломил пятьдесят тысяч... Пятьдесят тысяч за это? Л и з а. Что мне делать?

И з ю м о в. Пятьдесят тысяч?! С ума сойти! Лиза, да мне ничего для тебя не жал! Но как мы странно устроены? Как только дело доходит до чего-то реального, конкретного, как мы тут же считать... И вот уже нету того светлого и таинственного ощущения счастья... И не ты виновата, а я! Но почему, почему, а? Ведь я же был искренен!

Л и з а. Нам не надо так много рассуждать! Нужно сделать то, что полагается делать в этих случаях.

И з ю м о в. Ты так говоришь... у тебя были мужчины?

Л и з а. Вы пошляк, Андрей Дмитриевич! Или испорченный...

И з ю м о в. Нет! Это я от ревности!

Л и з а. Неправда... Оттого что деньги давали. Потратили... Купили! Нету... Ничего нету... Что же вы со мной сделали, Андрей Дмитриевич?

И з ю м о в. Как ты хороша! Как хороша! Иди сюда, иди! Нет, уж лучше умереть за один только миг близости с тобой! Лиза! Я хотел бы отказаться от тебя, но это выше меня! Я даже и думать не хочу! Раз такой случай... Пусть на один вечер, но моя! Может, я не прав, Лиза? Ну не молчи! Не надо молчать, любимая! Говори что хочешь, говори... Ругай меня, оскорбляй! Нету у меня счастья, нету его! А сейчас вот, сию минуту, есть, понимаешь?

Л и з а (*идет к диванчику*). Скорее... Скорее! Мне плохо, плохо... (*Падает.*)

Затемнение.

Высвечиваются Бес и Копейкин. Слышны крики и стоны Лизы, удары босых пяток об пол.

Г о л о с И з ю м о в а. Лиза... Лиза... Господи! Что с тобой происходит, Лиза...

К о п е й к и н. Она как-то в коридоре упала... Дома никого не было, а она упала... Так вся до крови побилась. Отец у нее нервный был, больной... Мать свою, Евгению Леонидовну, прямо ненавидел... И боялся... Тихий был... Его не увидишь, не услышишь...

Б е с. Лиза!

Г о л о с Л и з ы. Я слышу тебя!

Б е с. Отдохни...

Стоны прекращаются.

К о п е й к и н. А может, он на ней женится?

Б е с. Посмотрим...

К о п е й к и н. Да не женится он на ней! Знаешь же, что не женится, а болтаешь! Б е с. Гоша, не злись... Мы одинаково бессильны. Что ты, что я... Как-то все случается помимо нашей воли... Нету, ничего нету!

К о п е й к и н. Деньги-то есть...

Б е с. А деньги есть. И они имеют тайную власть над людьми. Золотая всепожирающая моль...

Зажигается настольная лампа на столе Изюмова. Лизы нет.

И з ю м о в. Бес! Ты меня слышишь?

Б е с. И вижу.

И з ю м о в. У меня была Лиза... С ней сделался приступ! Она изменилась в лице... Пена шла изо рта... Ее тело мучилось и билось об пол! И вдруг она успокоилась. И вновь стала прекрасной... Дивной... Я так устал... Что ты со мною делаешь, Бес? Как она ужасна в приступе и как она прекрасна!..

К о п е й к и н. Женись на ней, а?

И з ю м о в. Она поднялась, молча оделась и ушла. Молча!

Б е с. Отчего же ты ни слова ей не сказал? Она все ждала. Она ждала, когда ты ей скажешь: оставайся. Будь моей женой.

И з ю м о в. Я измучен этим вопросом! Понимаешь, я еще не решил. В жизни художника должно быть больше пространства и независимости! Я еще ничего не решил! А что же мне делать с этим Репенко?

К о п е й к и н. Зарежь его, писатель! Зарежь — и бог тебе простит все!

И з ю м о в. Я противник радикальных мер.

Что-то случилось со мною. Я ее обидел, да?!

Бес. Ты ее убил!

Изюмов. Что?! Я?! Пошел вон... Пошел отсюда!

Бес. Ты — трусливая душа...

Изюмов. Не смей так со мной разговаривать!

Копейкин. Писатель, что же ты не женишься на ней?!

Изюмов. Да погодите, не погоняйте! Я, может, еще и женюсь... Откуда я знаю? Я о другом думаю. Может, ей противно думать обо мне? Ох, как мне страшно, как больно... И еще этот... Пятьдесят тысяч... он же их вырвет! Да, я болен. Но тогда ты должен пощадить меня, Бес. Хоть какое-то милосердие должно быть в тебе.

Бес. Изюмов, а что если смерть — это твой единственный шанс?

Изюмов. Но я еще не все сделал!

Бес. Все. Больше ничего не сделаешь! Твой шанс — это Лиза.

Изюмов. Откуда тебе знать?! Ведь не ты меня создал, не ты! Ты только подглядывал за мной в замочную скважину!

Бес. Ты сердисься? Но я тебе предлагаю бессмертие. Не там, а здесь, среди живых, ты будешь знаменит! Только допиши свой роман.

Изюмов (*смеется*). Это невозможно!

Бес. Почему?

Изюмов. Нет, я не переживу того страха, что я уже пережил! Я хочу просто жить! Бог мой... Глаза без зрачков!

Бес. Не бойся. Не мои глаза страшны, а то страшно, что меня нет и я есть! И я — это высшая сила. Сейчас у тебя был простой человеческий выбор — сделать счастливым одного человека, Лизу. Тебе осталось очень мало времени. Ты подумай.

Изюмов. Я хотел много путешествовать. Я люблю женщин...

Бес. Разве их было мало у тебя?

Изюмов. Могло быть больше. Устал я,

Бес. Дай мне отдохнуть.

Бес. Как только я отойду от тебя, так сразу ты окажешься во власти боли. А боль твоя мучительна!

Изюмов (*покачиваясь*). Я задыхаюсь. Не уводи меня высоко! Я хочу жить! (*Уходит.*)

Копейкин. Ну чем он меня лучше? Вот ты ему талант дал, а чем он меня лучше? Вот если бы я книжку написал?!

Бес. Что это?

Копейкин. Где?

Бес. У тебя на голове?

Копейкин. Волосы!

Бес. Зачем ты их завил?

Копейкин. Что это вы ко мне придираетесь? Уж и волосы нельзя завить...

Бес. Я не говорю, что нельзя, я спрашиваю: зачем?

Копейкин. А вот во фраке и с завитыми волосами. Ведь со фраком же хорошо?

Бес. Ну да, хорошо! Ах, Копейкин, жизнь есть один огромный роман, который сочиняет Создатель... Причем удивительно, что люди настоящие становятся похожими на персонажей, которых когда-то выдумали писатели. Возьмем тургеневских героев! Разве Иван Сергеевич о таких нигилистах писал? Да никогда! Он его, помнится, придумал хорошо! А он возьми да и появиись через некоторое десятилетие! И что обидно, уже без благородства. А без благородства это уже жулик какой-то! Тупой и все отрицающий! Ведь у него и идеи-то нету. Куда ему без идеи? В жулики! (*Ставит стол, стулья. Разворачивает шкаф дверцами на зрителя.*) Вот, Копейкин, мы сейчас с тобой в твоей квартире, узнаешь?

Копейкин. Зачем ты играешь людьми? Лиза-то тут при чем?

Бес. Ты считаешь, что это все я?! Да я еще вчера не знал, что будет сегодня. Я одно знаю. Как ты жизнь начал, так ты ее и закончишь. А Изюмов? Да он мне продался еще в юности. Молоденький, хорошенький, а торговался так яростно, что я подумал: этот всех превзойдет! Всех не превзошел, но след оставил, и по его следу много еще народу ко мне придет.

Копейкин. А я-то тебе зачем?

Вбегает Изюмов.

Бес. Изюмов, ты бледен?

Изюмов. В чем моя вина? Пожалуйста, скажи — в чем?!

Бес. У тебя болит совесть.

Изюмов. Но я жив?

Бес. Пока да.

Изюмов. Ты пришел меня судить?

Бес. Ты боишься?

Изюмов. А почему ты?

Бес. Я пришел с тобой поговорить.

Изюмов. Я не Фауст.

Бес. А я не Мефистофель. Что, Изюмов, не хочешь тебе умирать?! Сколько сил потрачено на поддержание здоровья, а пришел Репенко...

Изюмов. Подонок...

Бес. Конечно. Но кто ему помог? Ты! Ты не убил его вчера, он убьет тебя сегодня!

Изюмов. Опять моль летает...

Бес. Что ты ее боишься?

Изюмов. У меня шуба...

Бес. Да, волчья шуба. Жалко, конечно... А помнишь, с чего начиналось? Была зима. Было холодно. Ты шел по улице и увидел, как в «Метрополь» вошел маститый писатель. Ты его знал. Кинулся. Он тебе барственно кивнул и барственно исчез в ресторане. Как тебе туда хотелось! Как хотелось погреться в этом чудесном золотом ресторанном свете. Окна были замерзшими, и вот ты ладошками прогрел дырочку в стекле и увидел сидящего за столиком маститого... Рядом с ним сидели дамы. Он крутил своей коротко стриженной головой, что-то рассказывал. А стол был уставлен дорогими коньяками и прочим. И вдруг он увидел твой глаз! Он показал всем сидящим твой глаз... И он догадался, что это был ты!

Изюмов. Замолчи!

Бес. Тебя пронзил стыд. Ты, самолюбивый, был пойман! И тогда-то ты понял, что все искусство — есть просто политика. Надо уметь приспособиться. Теперь ты сам сидишь в ресторанах. И чьи-то ладошки оттаивают дырочки. А когда ты подглядывал, я стоял за твоей спиной. Ты даже об меня запнулся.

Изюмов. Ну, хватит.

Бес. Тебе стыдно? Ты думаешь о шубе в такой момент... Тебе был дан талант — и где он? Что ты с ним сделал?! Ты его разменял на деньги!

Изюмов. А разве есть другой способ?

Бес. Есть... А, Копейкин? Есть?

Копейкин. А у меня-то хоть путный талант был? Или так?

Бес. Или как? Не спрашивай, Копейкин.

Копейкин. Знаешь, как я Изюмову завидовал?! Он по двору идет, а я аж

подпрыгиваю! Он-то идет писателем, а я?! А выходит и завидовать нечему... С тоски помрешь. И зачем я подпрыгивал?

Изюмов. Да плевать я хотел на тебя! Копейкин. Да ты и плюнул! Вы все плюнули... *(Уходит.)*

Бес. Грубая душа, а тоскует...

Затемнение. Высвечивается стол, за который садятся Репенко и Клава.

Репенко. Ну? Чего я тебе говорил! Вот судьба так судьба!

Клава. Может, не надо? Ну их, с деньгами с этими!

Репенко. Если честно, на большой риск идем! С другой стороны, кто мне еще столько отвалит? А захочу... Захочу, так еще больше даст! У этого есть! Сытый, дорогой, часы импортные! Перстень платиновый! Ты меня, баба, не учи! Эх, какого милиционера держава потеряла! Все пошло прахом! Державу ослабили! Без нас не будет толку.

Клава. Ладно тебе, лучше без толку, чем с вами! Сидит, тоже чего-то хрюкает! Сторож вонючий!

Репенко. Убью!

Клава. Сиди уж, убивец...

Репенко. Клава, ты что? Ведь деньги поровну!

Клава. Знаю я тебя, поровну! Жмот! Дашь десятку в неделю, так и то закоришь! Надоели вы мне хуже чертей!

Репенко. Ну что ты озлилась?

Клава. Да не озлилась, а вся уже иссобачилась! У меня теперь в животе будто мех вырос! Еще так поживу, так и во рту мехом порастет. И рта не откроешь...

Репенко. Балаболит чего-то! Тьфу! Куда денешься? Куда приткнешь свою головушку? Да еще дочь!

Клава. Ох, нагрешила я, нагрешила... Паразит ты, Ефим! Ведь дочка! Твоя ведь кровь! *(Плачет.)* Где мой платочек?.. Ведь не Гошкина, а твоя! Хорошо хоть помрет, да не узнает... Да где платочек-то? *(Идет к шкафу.)*

В шкафу вспыхивает свет. В его лучах стоит Копейкин, в белом фраке с белой хризантемой в петлице.

Копейкин. Клава, позвольте познакомиться. Поэт Копейкин. Теперь, говорят, поэты хорошо живут! Я вас в декольте

хочу целовать. В проемчик поцелую, а вы мне портвейного стакан... В хрустальный стакан портвейного... (*Декламирует.*)

Тебя я встретил у калитки,
Ты шла с ведром из-под воды,
И нежно-розовые лытки
Виднелись мне из темноты!
Прошла ты мимо, я остался!
Тебе уж было все равно!
А я же наземь распластался
И плакал, плакал, как в кино!

Это про нас! А вот про другое... Вот! (*Декламирует.*)

Заметелило, завьюжило, замело!
На троих меня в подъездик завело!
Там кричал я с хрипотой во рту,
Что такую, как ты, не найду!

Это опять про нас... А где же про завод? Про завод не хочешь? Кто хочет про завод? По дешевке про план, про стан! Экие дураки, не понимают руководители собственной выгоды! Я же и поэт, я же и плотник!

Голос Беса. И дурак в придачу!

Дверца в шкафу закрылась.

Клава. Ты видел?

Репенко. Не слепой. (*Подходит к шкафу.*) А ну выходи! (*Вет ручку. Створки распахиваются.*) Никого... (*Шарит.*) Твою мать! Сорок рублей лежало в пиджаке... Сперли! Вот это жулье пошло! Во фраках по гардеробам!

Клава. Ой, Ефим, да это же Гоша! Это же мой Гошка!

Репенко. Ты мне предрассудки брось! Ты мозгуй реализмом! Как он попал в гардероб! Где тут ход? Нет тут никакого хода. Значит, что? Значит, электроника! Клава. Да Гоша это... Ой, не помер ли! Весь в белом!

Репенко. Помолчи! Жалко, что я в милиции год работал! Ох, Клава, ведь я же родился милиционером, а меня выгнали! Капитан Козел, еще пнул! Да. Разжаловал, пнул и выгнал... А что случилось? Они теперь по гардеробам лазят!

Клава. Жулик ты, а не милиционер! Я тебе эти сапожищи милицейские ни в жисть не забуду! Меня, беременную, пинал. А кого пинал? Дочку пинал!

Репенко. Клава, деньги получим, возьмем, дочку.

Клава. Врешь...

Репенко. Заберем в дом, мне на пен-

сию... А на пенсии, да с дочкой, очень благородно. Опять же при деньгах, не нищие! Есть на что благородство показать. А на одну пенсию, сама знаешь, благородным не будешь. Захочешь, так не дадут. Гляди, моль! Ах, зараза! Вроде и табаку сыплю, и нафталину! Ты, баба, молчи! Тут у нас обеспеченная жизнь выглядывает! Я и Соньку приму! Я и ее обеспечу!

Клава. Как же теперь Лизе жить?..

Репенко. Ты об этом не думай. Тебе об этом не надо! Мне бы еще погоны, Клава, так я бы точно милиционером стал! Я бы матрас сторублевками набил! Вот ты подумай, Клавдия, что такое человек при деньгах? Это все равно что иностранец. И живешь ты в своей стране туристом. Легко, уважительно и со смыслом. Встал я утром, а уже думаю, что буду делать вечером. Ведь мы с тобой за всю жизнь ни в одном ресторане не были! А при деньгах? Потрошенные куры лезгинку спляшут, если надо будет! Если я пачку денег подниму, то мне и фонаря не надо. Все само засветится. Соньке одних платьев три штуки куплю.

Клава. Да уж намоталась она по этим инвалидным домам. Уж хватит! Только ведь я тебя знаю. Деньги получишь и убежишь.

Репенко. Куда я убегу? У тебя две комнаты. Это тоже капитал! Нет, если, конечно, где крутнись на стороне, то это дело такое. Обеспеченный человек, как и всякий начальник, разные дозволения имеет. Если тебя директор фабрики по заднице погладит, ты что, против будешь? Нет! Сегодня он тебя погладит, а завтра ты депутат районного Совета! Через это дело до министров доходили.

Клава. И до тюрьмы.

Репенко. До тюрьмы — это раньше. Жизнь большие перемены устроила. Человек живуч. Крутится он, крутится, да и обтачивается, как ему надо. К концу жизни как шарик станет. Не ухватишь. Не за что! Все внутри! (*Прислушивается.*) Кто-то у нас по чердаку ходит? Сколько живу, а все слышу, что ходят.

Высвечивается квартира Евгении Леонидовны. Она лежит на диванчике. Рядом стоит Лиза.

Лиза. Я... многое передумала... Бабушка,

ведь ты же скопила денег? Только честно?

Евгения Леонидовна. Тебе какое дело?

Лиза. Дай мне. Мне очень, очень нужно! Ведь если я умру, то Изюмов тебе денег не даст. А ты умрешь, меня не станет, то деньги пропадут! Их попросту заберет государство. Давай отдадим их маме... Бабушка, ты же должна быть доброй в силу хотя бы возраста! Ведь смерть твоя близка!

Евгения Леонидовна. Ты меня не торопи! Что скопила, то мое! А тебе надо, иди к Изюмову. Не задарма же ты живешь. Иди, иди! Ой, колет, колет... Большая уже! А с мужиком спать — не на фабрике работать. А если перечить станешь! Отправлю к матери! Будешь с этой шлюхой жить!

Лиза. Не трогай маму, я просила.. Она не виновата...

Евгения Леонидовна. Как же, не виновата?! Не успел Володюшка остыть, она уж замуж!

Лиза. Она без папы жила пять лет, полюбила она!

Евгения Леонидовна. Кого? Проходимца?!

Лиза. Она не знала...

Евгения Леонидовна. Пьяницу?! Развратника?!

Лиза. Она не знала! Не знала... (Плачет.) Дай денег...

Евгения Леонидовна. Уйди! Уйди и не приставай! Я тебе сказала, Лиза. Я тебе сказала: умру, твое будет! Приставать станешь, отдам государству! Ой, господи... Ой, опять закололо! Принеси-ка водички или чайку лучше!

Лиза уходит. Старуха достает деньги.

Еще засну, а эта нашарит. (Прячет за пазуху.)

Лиза (возвращается со стаканом; видит, как Евгения Леонидовна прячет деньги). Вот... пейте... чаю...

Евгения Леонидовна. Сахару насыпала?

Лиза. Да... И варенья положила.

Евгения Леонидовна. Я же тебе счастья хочу.

Лиза. Я понимаю.

Евгения Леонидовна. Я жизнь прожила, знаю, как и что! (Пьет чай.) Напила какую-то горечь.

Лиза. Чай такой.

Евгения Леонидовна. И чая прежнего не стало! Раньше хоть чай был, а теперь и того нету! (Пьет.) Да что ты сюда насыпала?

Лиза. Ничего.

Евгения Леонидовна (отхлебывая). Как — ничего, когда лекарством отдает?! (Еще раз отхлебывает.) Лекарством пахнет. Или хлорки сыпят столько в воду... (Стакан падает из ее рук.) Ой, батюшки... Ой, голова... Голова... Лиза!

Лиза. Нет... Нет! Бабушка!

Входит Изюмов, его никто не видит.

Прости, миленькая...

Евгения Леонидовна. Ты чего... Ты... как... Чего?

Лиза. Это крысид! Крысид!

Евгения Леонидовна (кричит). Помогите! Помогите... (Язык ее костенеет.) Проклинаю! У-у, ведьма... оклинаю... оклинаю.

Лиза. Я сейчас... Я сейчас «Скорую»... Бабушка, не умирай! Роденькая!!! Как это, «Скорая»... Ой, все забыла!

Евгения Леонидовна (сползает с кровати, тянется к телефону). Милиция... Милиция... (Хватает себя за грудь, достает деньги. Ползет к кровати). Не дам! Не дам!

Лиза. Не надо, только не умирайте! Евгения Леонидовна. Не дам! (Падает на кровать.)

Лиза. Бабушка, Евгения Леонидовна... Баба Женя! (Тормозит ее.)

Старуха мертва.

Бабушка... (Вытаскивает из ее рук деньги.) Прости меня! Прости...

Изюмов. Добрый день, Лиза...

Лиза (помертвев). Это вы?!

Изюмов (пауза). Ты понимаешь, что наделала!

Лиза. Да... Вы... все видели?

Изюмов. Так ведь любопытно. Ведь не каждый же день видишь, как бабушек травят! Как ты сообразила отравить ее?

Лиза. Не знаю... Пошла в кухню... Нет, я тут придумала... Потом забыла, а потом, как в кухню пошла...

Изюмов. А крысид где взяла?

Лиза. Что?

Изюмов. Где взяла крысид?!

Лиза. Она... она когда-то его у вас брала!

Изюмов (*берет у Лизы деньги, считает*). Десять тысяч...

Лиза. Что?

Изюмов. Я говорю, десять тысяч было у бабушки.

Лиза. Мне очень... Пожалуйста, отдайте их мне.

Изюмов (*прячет деньги*). Тебе не деньги нужны, тебе спастись надо! Иди в ванную, приведи себя в порядок, выпей валерьянки...

Лиза. Мне надо!

Изюмов. Зачем?

Лиза. Очень надо! Я хочу маме отдать... Их отдать! Мне плохо! Уходите...

Изюмов уходит. Затемнение. Высвечивается чердак. Бес сидит в кресле, а Копейкин нервно расхаживает перед ним.

Копейкин. Какая, скажи, от тебя польза государству? Да никакой! Чем меня убивать, гробанул бы Репенко. Подозрительная ты личность. Мне кажется, ты шпион. Ты — диверсант. Тебя, если сдать куда положено, то еще медаль получишь.

Бес. Помешаны вы на шпионах. Отстань, Гоша. Лучше приготовься встретить свою соседку.

Копейкин. В натуре, что ли?

Бес. В самом ее натуральном виде! А где же Изюмов?

Входит Изюмов. Он в белом полотняном костюме.

Так вы переоделись, Андрей Дмитриевич? А я-то подумал, не убежал ли клиент? Даже злиться стал, что мне совершенно противопоказано. У вас на лице тень. Что случилось?

Изюмов. Сейчас хорошо на даче. У меня под окном доцветают флоксы. Лиза нарезала мне букет... Лиза... Говорю так, словно это было давным-давно... Гибкая, юная, милая Лиза. Да, мы, люди, как листья. Одни опадают, другие нарождаются. Зачем тебе нужна моя душа?

Бес. С ней я проведу века в беседах. Я покажу ей, как строятся государства и как они разваливаются. Откуда выходят народы и зачем все разделены языками, привычками, верова-

ниями. После я отпущу твою душу. Бесплотная, имеющая лишь контур человеческого тела, она пройдет через космические горнила и придет на землю, чтобы увидеть, как она остывает... И тогда заплачет душа, и я заплачу с ней вместе. Обнимемся мы и скажем: а ты помнишь, какие утра весной в Подмоскowie? Как пели соловьи?! Где это?!

Изюмов. Не хочу... Я не могу этого осилить, мне этого не надо! Не взваливай на меня эту ношу!

Бес. Прости, Андрей Дмитриевич. Но что же с тобой случилось?

Изюмов. Лиза... Она пришла ко мне! Я открыл глаза — и вижу большой букет. А у ног сидела сама Лиза. Она держала мою руку, и ее рука чуть подрагивала. Она была бледной... Когда я посмотрел на нее, она погладила меня по щеке и сказала: «Ты небритый. У тебя седая борода. Ты очень устал, милый. Вот скоро отдохнешь...» Как же так, а? Ведь она в самом деле любит меня! Как страшно. Стою — и не в силах помочь. Прости меня, Лиза.

Копейкин. Женись на ней, а, женись!

Изюмов. Поздно! Как я хочу, чтобы ты, Гоша, встретился бы мне через тысячу лет. Ведь через тысячу лет я вновь приду на землю.

Копейкин. А какая она будет?

Изюмов. Как сад, где все деревья мирно, любя и оберегая друг друга, будут жить одной жизнью. И если я тебя не встречу...

Копейкин. Меня не будет...

Изюмов кланяется и уходит в темноту. Стук в шкаф.

Явилась! Чего тебе?

Голос старухи. Позвольте войти!

Бес. Ты одета?

Голос старухи. Я голой хочу!

Бес. Нельзя!

Голос старухи. Почему? Я хочу, и все! Хочу. Голой!

Бес. Да я не против — цензура не позволит. Накинь на себя что-нибудь! (*Громко.*) Евгения Леонидовна! (*Распахивает дверь шкафа. Оттуда выскакивает набеленная, с ярко-красными губами, в мишуре, старуха.*)

Копейкин. Мое почтение, бабуля!

Евгения Леонидовна. Пошел к черту!

Копейкин. Мы уже у него.

Евгения Леонидовна. Чертей нет!

Бес. Евгения Леонидовна атеист. Ты ведь атеистка?

Евгения Леонидовна. Будучи учителем начальных классов, я не могла не быть ею! Мне за пропаганду в одна тысяча тридцать седьмом году сам директор школы руку жал! Так нежно пожал, и все к бедру, к бедру. И мягкий взгляд через пенсне! Знаете, такие очки без ручек. Пенсне называется! А он мою руку — к бедру и спрашивает: что, мол, я бюстгальтера не ношу? И я смело отвечала, отвечала смело я! Не ношу, потому как это буржуазный элемент! Долой бюстгальтера! Женщины, проходим жизнь без комбинаций! Докажем мировой буржуазии, что мы не станем подражать их порядкам! Ура!

Звучит марш. Бес и Копейкин маршируют около старухи. Музыка резко обрывается.

Копейкин. Она что, чокнулась?

Бес. Не она одна.

Евгения Леонидовна. Можно я отдохну?

Бес. Устала?

Евгения Леонидовна. Устала.

Бес. Кривлялась всю жизнь! Всю жизнь лгала! И наконец устала?

Евгения Леонидовна. Я бы еще жила, да меня удар хватил!

Бес. Копейкин, это ты ее шарахнул?

Копейкин. Я давно заметил, что стервы обязательно мужей имеют! И что удивительно — порядочных мужиков хапают! Отчего, правда, не знаю!

Евгения Леонидовна. Да это ты, Копейкин! Какой ты нарядный! Какая прелесть! Эй, как вас там? Я замуж хочу за Копейкина. Это можно?

Бес. А что тебе в нем нравится?

Евгения Леонидовна. Он, должно быть, очень разнообразный в смысле приемов. Мой муж всегда делал одинаково и в одно и то же время. Сделает и уснет. А я женщина разноплановая, развитая и не до конца использованная! А ведь у меня деньги были! Когда деньги есть, то умирать не страшно! Многие мужики, даже молодые, очень готовы за деньги!

Копейкин. У тебя турецкого ничего нет?

Бес. Зачем тебе?

Копейкин. Турком хочу быть... Почему я турком не родился? Почему русским угораздило? А то жил бы себе где-нибудь... В городе Багдаде! Да! И нарочно бы по-русски не разговаривал! Живут ведь французы и ни бельмеса не понимают в русском языке, а еще как живут!

Бес. Что-то, я гляжу, развеселило тебя, Гоша?

Копейкин. Еще не твой! Не твой! В науку не верю, но в чудо... Ведь случаются чудеса, и вовсе не по твоей воле, а? Бес! Бывает, кое-что и помимо тебя происходит.

Евгения Леонидовна. Муж мой, заболев тифом и будучи в бессознательном состоянии, запел «Боже, царя храни!». Как только он допел этот гимн, я тотчас же позвонила и вызвала. Его увезли как есть, а куда — не знаю! И знать не хочу, не желаю!

Бес. Что мы с этой старухой порешим?

Копейкин. В чашу огненную! Есть такая?

Бес. Найдем.

Копейкин. Нет.

Бес. Чего нет?

Копейкин. Не хочу быть турком! Турком я уже был!

Евгения Леонидовна. Последние годы я работала билетером в Парке культуры! И октябрьский ветер нипочем, и то, что снег пробрасывало по плечу! Не шелохнувшись! Не моргнув, не охнув! Копейкин. Я думаю, просто в печку. Дура!

Бес. Поколение такое. Строгих правил и невоздержанное в восторженности.

Евгения Леонидовна. Последние годы я работала билетером в парке и могу безошибочно установить, кто с билетом, а кто норовит так прорваться! Бесплатно кое-кто желал прошмыгнуть для культурного отдыха! Граждане, желающие культурно отдохнуть, культурно покупайте билеты в кассах нашего парка! Копейкин. Бабушка, пора прощаться! Бес. Музыка!

Звучит танго.

Евгения Леонидовна. С одним майором, я помню, танцевала!

Копейкин. Разрешите!

Евгения Леонидовна. Какой ферт!

Танцуют страстное танго.

Копейкин (кричит). Это обман! У бабушки нет зада?! Где зад?

Евгения Леонидовна. Вы знаете, а я рожала!

Копейкин. Не может быть! Никто вам не поверит, даже если вы орать об этом станете!

Евгения Леонидовна. Я рожала! Он умер, мой Володюшка. Он умер, работая бухгалтером и считая чужие деньги! У него не было идеала, и он женился! Нынче все без идеалов живут! А кончают тем, что женятся.

Музыка смолкает.

Бес. Старая, слушай мою команду! Шагом марш!

Звучит марш. Радостно улыбаясь, она подходит к люку и исчезает. Откуда-то из-под земли льется ее песня: «Москва — Пекин! Москва — Пекин!»

Бес (закрывает люк). Живучее поколение... И что удивительно, непонятно с чего?

Копейкин. И зачем?

Бес. Но с чего?! Ведь ничего не было. А они жили, верили, работали!

Копейкин. И зачем?

Бес. Но это не мое дело. Раз они работали, значит, так надо! А раз надо, значит, работали!

Евгения Леонидовна (вылезает из следующего люка). Во время войны обнаружилось, что я инвалид и не годна к трудным работам.

Бес. Уйди с глаз!

Старуха исчезает.

Интересно, ее и преисподняя не берет...

Евгения Леонидовна (вылезает из шкафа). Из воспоминаний! (Встает в позу оперной певицы.) Когда мы решили, что нет любви, а есть совместное проживание, мы радостно кинулись совместно проживать! Долой стыд, время жить коммуной!

Бес. Дрянь! Как ты смеешь ослушаться моего приказа?!

Евгения Леонидовна. Только в начальство верую, и ни в кого больше! И ты для меня все одно что швейцар старорежимный! И одеты вы оба,

как враги народа! От имени народа я заявляю, что хочу замуж!

Бес. Что?

Евгения Леонидовна. Или ты меня выдашь замуж, или я буду вечно служить тебе укором. Я тебе фигушки буду строить! Отдай меня за Копейкина.

Копейкин. Бес, ведро крысиду — и удавить.

Бес. Гоша, последний тур. Гоша! Я очень прошу!

Копейкин. Не имеешь права! Я был женат! Да, женат!

Евгения Леонидовна. Не венчан!

Бес. Серьезно? Ты не венчан?!

Копейкин. Не венчан, а что?

Бес. Тогда твой брак фикция. Липа! Кто объявил вселенной, что ты был женат?

Копейкин. Подписывали что-то. Печать ставили!

Бес. Я тебе такую печать из картошки вырежу! Женя, девочка, бери его, владей безраздельно!

Евгения Леонидовна. Хорошо, что без формальностей.

Копейкин. А почему ее муж пел «Боже, царя храни!»?

Бес. В детстве учился в гимназии, где знание отечественного гимна было обязательным. А главное, был ее много старше.

Евгения Леонидовна. Он заболел тифом и мог заразить всех! Я поступила гуманно, обезвредив членов общества от подобного больного.

Бес. Вы прелесть, Женя! Вы прелестное дитя! Наслаждайтесь ощущениями. Потому что ничего больше я не могу предложить! Гоша, включи воображение, забудь про все.

Копейкин. Я ее удушю...

Бес. Не знаю, не знаю, не мое дело! (Хлопает в ладоши.)

Появляется кровать.

Евгения Леонидовна (пробует ее). На поролоне! Годится! Котик, иди сюда, лапонька, иди скорее!

Бес. Иди... Будь мужественнее. Я не буду смотреть.

Перед кроватью опускается белый занавес.

Копейкин. Мне надоела твоя игра, понял? (Уходит за занавес.)

На занавесе возникают силуэты, как в театре теней: старуха стоит голая, появляется Копейкин с топором.

Евгения Леонидовна. О, какая страсть! *(Ползет к Копейкину.)*

Копейкин *(дико орет)*. «Не жалею, не зову, не плачу!» *(Втыкает топор в спину старухи.)*

Евгения Леонидовна. Еще! Еще! Копейкин *(рубит ее)*. Любви захотелось!

Бес. Гоша, там за стеной мясорубка, после прокрутишь!

Свет за занавесом гаснет. Оттуда, с мешком в руках, выходит Копейкин.

Копейкин. Куда ее?

Бес. Дарю!

Копейкин. Спасибо! *(Открывает шкаф и бросает в него мешок.)*

Бес. Ты великодушен!

Копейкин. Скажи мне, отчего умирают и хорошие и плохие, ведь хорошие должны жить. Или меня взять, к примеру? Что моя жизнь? Просадил я ее впустую! А вон лежит Лиза на диванчике и плачет... Кто виноват? Я виноват! Я! И все виноваты! Ой, как мне плохо, Бес! Ой, как плохо! Все видеть, все понимать и ничем уже не помочь. Кто знал, что у Гоши Копейкина такой конец будет?

Бес. Это не важно, какой он, конец, важно то, что он наступит для каждого. Нет бессмертия. Нет и не будет!

Копейкин. А что же есть?

Бес. Порядочность.

Копейкин. И все?

Бес. И все.

Копейкин. Что же ты раньше не сказал?

Бес. Я говорил.

Копейкин. Жил да был на земле Копейкин. Жил да был, а потом взял и помер. Как помер, его тут же забыли. Потому забыли, что помнить нечего было. Ох, Бес. Ничего-то у меня нет от ума. Все от злости!

Появляется Изюмов. Высвечиваются Репенко и Клава. Откуда-то несутся стоны и всхлипы. Репенко стоит на коленях перед дверью и смотрит в замочную скважину.

Репенко. Ах, как ее подбрасывает,

как подкидывает! От так, от так... Еще раз! Еще два! Ну, Клава, прямо цирк! Клава. Давай врача вызовем!

Репенко. Врача?! *(Вскакивает.)* Во! Видала такого «леща»?! Врача ей... Она бабуку... Как мы старуху проморгали, а? Ее бы надо с собою класть, в кровать! Беречь ее надо было!

Клава. Как же она решилась отравить ее? Ведь как-никак, а бабушка...

Репенко. Ничо! Счас милиция придет! Счас придет! *(Смотрит в скважину.)* Ишь! Ишь как ее скрутило! Во! Пена пошла!

Изюмов *(наблюдает эту сцену)*. Лиза... Милая...

Далекий звонок телефона.

Репенко. Ну-ну, погуляй, зараза! Погуляй, убивица! Я еще и на суде такое расскажу! Я расскажу, что это тебя Изюмов научил бабуку отравить! *(Хохочет.)* Верно, Клава? И все равно Изюмчик деньги мне отдаст! Отдаст или я замурую его в Бутырку!

Изюмов. Лиза!

Репенко *(у скважины)*. Ой! Мать! Мать! Клава. Чего ревешь?!

Репенко. Ломай дверь... ломай! Она убилась! Убилась, курва! Виском об угол комода... Виском! Глянь, лежит... Лиза! Ау! Ау! Ли-за! *(Бьет в дверь.)* Ой, такую не сломать! Сталинская! Ой, подохнет, ой, курва!

Звонок телефона.

Клава *(бежит, снимает трубку)*. Алле! Кто? Изюмов. Чего надо? Бабуку она отравила крысидом! Да! И сама только что в припадке насмерть зашиблась! Да, насмерть! Вон, через замочную скважину видно, а попасть нельзя! Замкнулась с той стороны! А нам позволили. Сказали, чтоб ее никуда не пущать!

Репенко *(выхватывает трубку)*. Это ты, поганец?! Я докажу следователю, что крысид твой и это ты больной девушке велел бабуку травануть! Не верещи, паскуда! Я тебе устрою пятнадцать лет! Ты у меня, козел вонючий, на параше сдохнешь!.. Кто я?!.. Палач?! Я?! Ну, за эти слова я тебе еще лет пять наскребу!

Звонок в дверь.

Во! Коллеги пришли! Так что сдавайся!

Или деньги, или... Чего? Какой хрен?! Да?! Все! Открываю дверь!

Затемнение. Высвечивается Лиза. К ней подходят Бес и Копейкин.

Бес. Здравствуй, Лиза.

Лиза. Здравствуйте...

Бес. Ты меня узнала?

Лиза. Да. Здравствуйте, дядя Гоша!

Копейкин. А почему ты здесь? Почему она тут, Бес?

Бес. У тебя вчера умерла бабушка?

Лиза. Да. Совершенно внезапно. Пила чай...

Копейкин. Умерла! Ты... это... как его... ухандокала старушку?!

Изюмов (*вбегает*). Лиза! (*Подходит к ней.*) У тебя кровь на виске...

Лиза. Добрый вечер, Андрей Дмитриевич. Инфаркт?

Изюмов. Представляешь? Поехал на дачу, думал отвлечься. Позвонил тебе...

Лиза. Я в это время была дома. Бабушку увезли в морг... Я сидела одна и думала о тебе, Андрей. Я не знала, что ты уехал на дачу, и пошла к тебе. Я долго звонила в дверь... Почему-то мне показалось, что ты дома и не открываешь...

Где-то далеко-далеко зазвонил телефон.

Изюмов. А я приехал на дачу и совершенно точно решил, что женюсь. Ну, не так, уж конечно, совершенно, но где-то очень близко к этому. И я позвонил тебе... Я думал, ты приедешь на дачу и все решится как бы само собой! Подошла Клава, эта, жена Репенко, и сказала, что ты убила... Что вначале ты отравила бабушку... Бред какой-то! Отравила тем крысидом, что я ей давал! Тогда я бросил трубку и пошел в сад... Да, я вышел в сад и потерял сознание!

Лиза. А я совершенно вначале ничего не поняла. Мне показалось, что я открыла калитку в сад. Там, под липой, стоял ты, Андрей Дмитриевич... Я нарвала тебе букет флоксов, они так сильно пахли... И еще ты был небритым... У тебя седая щетина. Меня это очень тронуло...

Бес. Глупая жизнь убила другую, хорошую и умную!

Лиза. Не надо так. Никого не виню.

Сцена темнеет.

Изюмов. Лиза, как хорошо, что ты тут! То есть... Что я говорю...

Бес. Вот и догорела заря вечерняя.

Лиза. Давайте поьем чаю.

Бес. Я сейчас. (*Приносит самовар и чашки.*) Вот, пожалуйста. Из тульского.

Изюмов. Какой замечательный самовар.

Копейкин. У моей бабушки был такой. Я же из деревни. Село Каменка Усольского района. У нашего самовара вот тут вмятинка была. И тут вмятина? Да это же мой самовар. Бабушкин! А самовар-то почему тут?

Бес. Нету, брат Копейкин, больше ни самовара, ни Каменки твоей нету. Давно на ее месте вырыли котлован под химзавод. Химзавод этот так и не построят, а котлован зальет водой, размочит, и станет он оврагом...

Копейкин. Слышь, а дочка, выходит, не моя? Соня не моя разве?

Лиза. Молчите. Пейте чай.

Копейкин. Соню, дочку, жалко. Может, мне не умирать? Заберу Соню и уеду... Куда-нибудь... В котлован в этот, к примеру?

Изюмов. Лиза!

Лиза. Андрей, а как твой роман? Ты его не закончил?

Изюмов. Все писал для денег, а для бессмертия не хочу. Нету бессмертия!

Лиза. Милый мой, хороший писатель, я ведь тебя никогда не читала! Как жалко. Все времени не было. Прочту страницу, две — и спать!

Изюмов. А говорила, что любишь мои книги...

Лиза. Да любила, любила их держать в руках, думать о тебе. Сам понимаешь, учеба. Потом — то на концерт, то на дискотеку... Смешно. А ты сидел себе и писал, писал... Как странно все! И ничего не путается в голове. Мысли текут ровно, и только больно. Но и больно так, как бывает после боли. Все после. Дядя Гоша, идите к Соне. Ей нельзя быть одной. Как-то не получается у нас с тобой разговора, Андрей. Наверное, потому, что нам нечего вспомнить. Да и бабушку жалко. А давайте еще немного посидим. Смотрите — заря вечерняя.

Бес. Когда наступит утро, меня уже не будет. И не увижу, как бежит утренняя заря. И останусь один... Знаете, в

последнее время мерзнуть стал... К чему бы это?

Лиза. А вы знаете, Репенко плакал! Честное слово!

*Бес, Копейкин, Изюмов смеются.
Высвечиваются Репенко и Клава.*

Репенко. Как не плакать, Клава! Вся моя жизнь накрылась как абажуром... Вот они, денешки-то, почти в руках были! И что теперь! Пенсия! Сколько той пенсии? Сколько жизни, столько пенсии.

Клава. А дочку все же возьмем!

Репенко. И судить некого! Вот беда!

Клава. Слышь, сторож, дочку возьмем?! Подлый ты! Подлый... Обещал ведь...

Репенко и Клава исчезают.

Копейкин. Эх, Клавдия! А знаете, я ей все прощу. И Соню не отдам. Моя Соня. Ладно, пойду жить. Может, там на земле, и не свидимся. Да, скорей всего, так и будет. Спасибо за компанию.

Бес. Давай поправляйся. И не пей больше.

Копейкин. Больше не буду... Это уж как пить дать!

Бес. Ну вот тебя, Копейкин, выходили. После больницы ты заберешь Соню. Андрей Дмитриевич, уже ночь!

Изюмов. Да, да... Лиза, я вас... Я тебя провожу?

Бес (*Лизе*). Ты уходишь?

Лиза. Да.

Бес. Тогда прощай...

На темном небе вспыхивают звезды.

Лиза. Прощайте все. Прощайте, мои хорошие. (*Поворачивается и уходит.*)

Изюмов. Лиза... Лиза! Лиза!!! (*Бежит следом.*)

Копейкин. Догонит он ее?

Бес. Никогда... Все будет бежать, бежать... И никогда не догонит. Все, Копейкин, ваше время истекло. Вам пора!

Копейкин встает, молча уходит.

Сцена темнеет. Бес зажигает свечу. Где-то далеко слышен крик: «Ли-за... Ли-за...»

Я устал... слышишь, я устал! Пощади меня!

Голос. Ли-за... Ли-за...

Бес. Пощади всех! (*Плачет.*)

Занавес

Летом 1986 года мне довелось быть в Бельгии. В Брюсселе, на встрече с актерами, я спросил, что интересного есть, на их взгляд, в современной западной драматургии. И они, не задумываясь, ответили — «Сказки Голливуда» английского драматурга Кристофера Хэмптона. И затем любезно прислали эту пьесу мне в Москву.

Летом 1988 года в Лондоне, на встречах с английскими актерами, все они в один голос говорили, что Хэмптон «самый сенсационный» современный драматург. Его пьеса по роману Шодерло де Лакло «Опасные связи», поставленная режиссером Хауардом Дэвисом, идет уже три года с неизменными аншлагами и сопровождается самыми восторженными отзывами английских критиков. Я видел этот изысканнейший спектакль и вполне разделяю энтузиазм лондонской публики и прессы. Но не о нем речь.

Кристофер Хэмптон родился в 1946 году. Уже первая его пьеса, написанная им в возрасте двадцати лет — «Когда вы видели мою мать в последний раз?», — имела успех. Так же успешно шли его пьесы «Полное затмение», «Филантроп», «Дикари». Хэмптон переводил пьесы иностранных драматургов, в том числе Эдена фон Хорвата, который потом явится главным действующим лицом знаменитых «Сказок Голливуда».

Я репетирую «Сказки Голливуда» в Малом театре, которому принадлежит право первой постановки этой пьесы. Ее жесткая интеллектуальность, емкая лаконичность, внутренняя напряженность действия и диалога, порой горькая ироничность и парадоксальность требуют поисков особого сценического языка.

В пьесе действуют такие лица, как Томас Манн и Генрих Манн, Бертольт Брехт, но Хэмптон не поднимает своих героев на пьедестал их мировой славы. Он исследует их слабости, беспомощность, подчас смешные черты характера. Изгнанники, эмигранты, эти представители духовной элиты Европы, приговоренные к смерти фашизмом, не находят себе места и на другом материке, в «сказочном» Голливуде, где их достоинство, культура, талант подвергаются подчас унижительным испытаниям. И они в своем, по сути дела, трагическом одиночестве не всегда являют пример высокого человеческого мужества.

Я бы назвал эту пьесу Хэмптона интеллектуальным трагипамфлетом о судьбах европейской интеллигенции в период второй мировой войны.

Хэмптон ведет драматическое повествование от лица Эдена фон Хорвата, который к моменту начала действия пьесы на самом деле уже